

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

**№6 (132)
2019**

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»
Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775
E-mail: info@law-journal.ru
Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 20387 (Агентство “Роспечать”)

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 30.06.2019

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 7.09

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор, Директор института права Самарского государственного экономического университета

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А. М. Михайлов — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Хансевяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Валиуллина Д.А., Гизатуллин Л.Р. Прекращение обязательственного права на земельный участок при наследственном правопреемстве: отдельные вопросы правоприменения	7
Курмаева Н.А., Галимова Л.Р. Зарубежный опыт семейной медиации	11
Курмаева Н.А., Кулагина М.Н. Преимущества и недостатки семейной медиации в России	15

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Еремина Е.А. Национальный проект «Культура» как инструмент финансово-правовой политики в сфере деятельности государственных учреждений культуры	21
Матвиенко Г.В. Профилактика таможенно-правовых споров с участием физических лиц ..	26
Шаипова С.А., Трemasкин И.Э. Эстоппель в налоговом праве	33

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Шулятьев И.А. Концептуализация международно-правового регулирования научно-технического сотрудничества	39
--	----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Магомадов Э.М. Особенности развития малого и среднего предпринимательства в Республике Ингушетия	49
--	----

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ)	53
---	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 347.45

DOI: 10.14451/2.132.7

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК ПРИ НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© 2019 **Валиуллина Динара Анваровна**

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, РТ, Набережные Челны

E-mail: MusabirovaDinara@mail.ru

© 2019 **Гизатуллин Ленар Раисович**

магистрант третьего года обучения

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, РТ, Набережные Челны

Статья направлена на освещение некоторых особенностей порядка приобретения обязательственного права на особый объект, передаваемый в порядке универсального правопреемства, — право аренды земельного участка. Отмечаются сложности в трактовании права аренды как тесно связанного с личностью, что влечет за собой прекращение указанной договорной связи, а не изменение её в порядке наследования. На основе анализа судебной практики делается вывод об особенностях трактования категории «личные качества» наследодателя при предоставлении участка в аренду.

Ключевые слова: аренда земельного участка, наследование, прекращение обязательства.

Общепринято, что земля является вещью особого рода, к которой применяются специфические правила правового регламентирования. Выделение такого объекта из всего массива объектов гражданского права легко аргументировать особым социальным значением природных ресурсов, а также принципом дублицета недвижимости, являющегося сутью современной отечественной парадигмы системы недвижимых вещей. Именно с землей, как правило, связаны и иные объекты, также являющиеся недвижимостью, а именно — здания, строения и т.д., имеющие значительную стоимость и общественное значение.

Введение земельных участков в оборот зачастую опосредуется заключением договоров аренды. Обычно указанные договорные связи не подвержены изменению субъектного состава, но в отдельных случаях определенная трансформация неизбежна, классический пример — универсальное правопреемство в порядке наследования.

Имущество умершего при наследовании, как известно, переходит к другим лицам (п. 1 ст. 1110 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)). При этом в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности и не вклю-

чаются личные неимущественные права и иные материальные блага, права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя (в частности, право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина), а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими законами.

Основной акт цивилистического законодательства в отношении договора аренды, в том числе и земельных участков, предусматривает отдельное нормативное указание по поводу правопреемства. Ст. 617 ГК РФ указывает, что в случае смерти гражданина, арендующего недвижимое имущество, его права и обязанности по договору аренды переходят к наследнику, если законом или договором не предусмотрено иное. Это правило, правда, имеет одну, на первый взгляд, весьма несущественную оговорку: арендодатель вправе отказать наследнику в случае, если заключение договора обусловлено личными качествами арендатора.

На первый взгляд положения ГК РФ об арендного рода обязательствах вторят общим положениям о наследовании. В то же время, как показывает анализ правоприменительной практики, если обязательства, исключаемые из круга наследуемого имущества, редко становятся предметом судебных препирательств, то катего-

рия «личные качества арендатора» имеет весьма неоднозначную трактовку.

Согласимся с Н. Костылевой и В.М. Костылевым, что причиной тому является прием законодательной техники, использованный при конструировании рассматриваемых норм, — упоминание родовой категории и примеров таковой, который «... едва ли можно считать удачным, так как тем самым дезориентируются не только субъекты законодательства (граждане), но и те, кто обязан толковать закон (юристы)» [6; С. 39]. Действительно, установленное законодательством нормативное регламентирование на данный момент порождает значительное количество правовых проблем при рассмотрении вопросов правопреемства.

Справедливо будет отметить, что в большинстве случаев (когда стороны не вступают в «баталии» по существу) суды, не вдаваясь в тонкости дела, лишь формально применяют правило п. 2 ст. 617 ГК РФ, указывая следующее: «... из содержания договора аренды земельного участка не следует его заключение не обусловлено личными качествами арендатора» [2; 10]. Таким образом, вопрос о личном характере обязательственного права аренды судами просто не исследуется. Однако существует значительный массив дел, в которых наличие у наследодателя статуса индивидуального предпринимателя или председателя крестьянско-фермерского хозяйства (далее — КФХ) становится серьезным камнем преткновения при определении судьбы обязательственного правоотношения.

Оформленные официально позиции правоприменителя по этому вопросу могут быть разделены на две основные группы. В решениях первого порядка [3; 13] суды исходят из постулата о неразрывности с личностью статуса индивидуального предпринимателя, каковой в силу ст. 23 ГК РФ и Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [15] прекращается со смертью гражданина. Более подробно в существующих актах судебной практики исследуется вопрос о значении статуса КФХ для заключенного наследодателем соглашения. Здесь, помимо личного характера реализации предпринимательской деятельности, суды прибегают к доводам об особой цели передачи земельного участка. Обычно это сельскохозяйственные земли, потому и цель их передачи может быть осуществлена только

самим председателем КФХ, а не его наследниками [12].

Вторая позиция абсолютно диаметрально первой и приводит к признанию факта правопреемства в рамках арендного правоотношения с участием предпринимателя-наследодателя. Иллюстративно в этом плане Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 18 января 2016 г. по делу № 33–860/2016: «В этой связи, судебная коллегия находит не основанным на законе вывод суда первой инстанции о том, что имущественные права 3. по договору аренды земли № 2009 от 3 декабря 2001 года прекращены с ее смертью, поскольку личный характер обязательства в данном случае должен определяться с учетом конкретных обстоятельств, которых, по мнению судебной коллегии, по материалам дела не имеется» [1]. Как видим, наличие статуса предпринимателя прямо констатируется в качестве не связанного с личностью.

Отметим наличие и третьей — фактически промежуточной — позиции правоприменителя о распространении правила о значимости статуса предпринимателя лишь в отношении пользования землями публичной формы собственности. Она была отражена, в частности, в тексте Решения Богучарского районного суда Воронежской области № 2–211/2016 от 16 марта 2016 г. по делу № 2–211/2016 [9]. Истоки такой позиции содержатся в подзаконном акте рекомендательного характера — Письме ФАС России от 12 декабря 2013 г. № АД/50427/13 «Об оказании методической помощи» [8]. Однако широкого применения этот акт не получил.

Примечательно, что первая и вторая позиции аргументируются одними и теми же правовыми предписаниями (ст. 23, 418, 617, 1112 ГК РФ), но выносимые правоприменителями резюме отличаются кардинально.

Вся «соль» такого разнообразия судебных позиций заключается в различном трактовании ключевого понятия «личные качества» арендатора. Безусловно, что термин «личность» и всего его производные не являются нормативными категориями. Обычно это дефиниции используются психологией, социологией, философией. Так, философия под личностью понимает: «1) устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности; 2) индивидуального носителя этих черт как свободного и

ответственного субъекта сознательной волевой деятельности» [16; С. 313]. Понятие же личности в психологии является первостепенным и означает наиболее развитый уровень человеческой субъективности, т.е. совокупность привычек, наклонностей, психических и культурных настроек, социокультурного опыта, уровня знаний, психофизических особенностей, определяющих поведение индивида в обществе [4; С. 107].

К сожалению, в доктрине права вопросам определения личных качеств в рассматриваемом нами контексте также не уделено должного внимания. Отметим лишь диссертационное исследование Е.И. Ворониной, которая верно подмечает, что понятие «субъект права» (в том числе и как сторона обязательственного правоотношения) предполагает абстрагирование от свойств конкретного лица, в то время как «личность» характеризуется именно включением в себя черт, характеризующих и максимально индивидуализирующих данное лицо [5; С. 5].

Определенным образом созвучно такой теоретической позиции и реноме правоприменителя: «Таким образом, в договоре указано лишь на то, что ФИОЗ является индивидуальным предпринимателем, что характеризует не его личные качества, а правовой статус стороны договора» [11].

Разумны и доводы по другому судебному делу [14]. Истцы полагали, что личность арендатора для них имеет существенное значение, т.к. наследодатель знал все тонкости сельхоз работ, участвовал в деятельности КФХ производя лично различные работы, т.е. он имел необходимые навыки для указанной деятельности. Однако, суд резюмировал, что выращивание сельхозкультур, не может быть отнесено к виду деятельности, при котором личностные качества лица

имеют существенное значение, поскольку лица, занимающиеся работами в данной сфере, обладают необходимыми навыками либо сами, либо посредством найма необходимых специалистов.

Отметим, что в данном судебном акте дается еще один ориентир определения значимости личности для конкретного обязательства. Как справедливо указал суд, договор аренды содержал условие о возможности передачи земельного участка в субаренду. Следовательно, любое третье лицо могло стать стороной обязательства, что говорит о не персонифицированном характере заключенной сделки.

В заключение хотелось бы отметить, что сложившаяся ситуация приводит к существенному ущемлению прав граждан и дисгармонизирует цивилистический оборот. Полагаем, второй подход, выработанный судебной практикой, наиболее согласуется с духом и буквой действующего законодательства и способствует стабильности гражданского оборота. Наличие статуса предпринимателя не связано с характеристиками субъекта права именно как личности, ведь к претендентам при регистрации не предъявляется никаких личных требований. Более того, правила о регистрации максимально формализованы.

В то же время, учитывая, что заключение договора с учетом личных качеств контрагента, как было верно отмечено Конституционным Судом РФ, является отражением принципа свободы договора [7], логично, что именно в договоре аренды земельного участка должно получаться отражение указания на личный характер возникающего обязательства. Именно в таком случае возможно применение правила о прекращении обязательственного права по смыслу ст. 617 ГК РФ.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 18 января 2016 г. по делу № 33–860/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 26 апреля 2018 г. по делу № 33–1760/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда № 33–8791/2014 от 6 мая 2014 г. по делу № 33–8791/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: МГУ, 1990. 367 с.
5. Воронина Е.И. Гражданско-правовые обязательства, связанные с личностью их сторон: автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2014. 26 с.
6. Костылева Н., Костылев В.М. К вопросу об определении понятия наследства // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 2. С. 38–42.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. № 438-О // СПС «КонсультантПлюс».

8. Письмо ФАС России от 12 декабря 2013 г. № АД/50427/13 «Об оказании методической помощи» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Богучарского районного суда Воронежской области № 2–211/2016 от 16 марта 2016 г. по делу № 2–211/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Котласского городского суда Архангельской области от 22 апреля 2019 г. по делу № 2–632/2019-М-365/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решение Куртамышского районного суда Курганской области № 2–473/2017 от 20 июля 2017 г. по делу № 2–473/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Оренбургского районного суда Оренбургской области № 2–2818/2016 от 14 сентября 2016 г. по делу № 2–2818/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Решение Павловского районного суда Воронежской области № 2-В281/2014 от 30 сентября 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
14. Решение Староминского районного суда Краснодарского края № 2–20/2018 от 18 мая 2018 г. по делу № 2–20/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.
16. Философский энциклопедический словарь. М., 1989. 814 с.

УДК 347.61/64:316.485.6(4/9)

DOI: 10.14451/2.132.11

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ *

© 2019 Курмаева Наталья Анатольевна

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Россия, Саранск
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru

© 2019 Галимова Линара Рафисовна

магистрант кафедры правовых дисциплин
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Россия, Саранск

Авторами проанализирован зарубежный опыт проведения медиации по семейным спорам и высказаны предложения относительно повсеместного внедрения медиативных технологий при урегулировании семейно-правовых конфликтов в России. При этом активная роль в проведении процедуры медиации должна принадлежать психологу, специализирующемуся в области семейной и возрастной психологии. Высказано предложение о необходимости создания Служб судебных психологов в субъектах Российской Федерации, одним из направлений деятельности которых должно являться проведение медиации по семейным спорам.

Ключевые слова: альтернативный способ разрешения споров, медиация, медиатор, медиативное соглашение, семья, семейная медиация, семейный спор, психолог.

Согласно Хартии о международной семейной медиации во всем мире в качестве эффективного средства разрешения и урегулирования конфликтов признается медиация [17, С. 182]. Причем, одним из наиболее востребованных видов медиации в зарубежных странах является семейная медиация, пользующаяся популярностью и признанием уже несколько десятилетий [9, С. 127].

Как правило, необходимость в применении семейной медиации возникает при расторжении брака между супругами в случае возникновения споров о месте проживания несовершеннолетних детей и определения условий общения с ними, раздела совместного нажитого в период брака имущества, установления размера и порядка уплаты алиментов и урегулирования других семейно-правовых конфликтов [2].

Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, равноправия сторон, конфиденциальности, независимости, беспристрастности, принятия во внимание прав и интересов детей. В результате стороны конфликта самостоятельно приходят к взаимоприемлемому решению, выраженному в медиативном соглашении.

В отличие от судебного разрешения спора важнейшим преимуществом семейной медиации выступает возможность наиболее приемлемого разрешения конфликта на взаимовыгодных условиях для обеих сторон. Строгое соблюдение конфиденциальности при проведении процедуры медиации позволяет сохранять в тайне информацию, сообщенную в процессе рассмотрения спора, даже если в будущем стороны примут решение обратиться в суд для окончательного решения конфликта.

Именно семейная медиация позволяет достичь взаимопонимания и взаимоуважения между членами семьи, выступающих в качестве основных моральных ценностей в таких странах, как США, Канада, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, принадлежащих к англосаксонской системе права [1, С. 135]. Семейная медиация получила достаточно широкое распространение и в таких странах, как Германия, Австрия, Франция, Дания, Бельгия, Финляндия, Италия, Ирландия.

В качестве примера рассмотрим особенности применения процедуры семейной медиации в отдельных зарубежных странах.

В Соединенных Штатах Америки медиация является эффективным инструментом для раз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00570

решения семейно-правовых споров. Суд вправе назначить проведение примирительной процедуры по делам о расторжении брака, если сочтет возможным сохранение семьи. Вынесение такого решения не зависит от желания самих супругов. Примирительная процедура осуществляется постоянно действующими службами по примирению или органами, создаваемыми для урегулирования конкретного спора в соответствии со ст. 404 Единообразного закона о разводе США [4].

Кроме того, проведение семейной медиации предусмотрено по спорам, связанным с распределением прав и обязанностей по воспитанию ребенка [7, С. 179], а также с разделом совместно нажитого имущества между супругами.

Значительное внимание вопросам семейной медиации уделяется в Европейском Союзе. 21 января 1998 года была принята Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R (98) 1 о семейной медиации. В рекомендации отмечается, что растущее число семейных споров оказывает пагубное воздействие на семью, как в социальном, так и экономическом плане. В связи с этим необходимо обеспечивать защиту наилучших интересов ребенка. Отмечаются такие особенности семейных споров, как возможность продолжения отношений, особая эмоциональность, негативное влияние на всех членов семьи, и особенно на детей. В связи с этим применение семейной медиации позволит улучшить отношения между членами семьи, сгладить конфликт противоборствующих сторон, обеспечить преемственность личных взаимоотношений между родителями и детьми, снизить экономические издержки в связи с разрешением возникших разногласий и сократить продолжительность времени, необходимого для урегулирования конфликта [19].

Европейский кодекс поведения медиаторов, принятый в Брюсселе 2 июля 2004 года устанавливает ряд принципов, которых должны придерживаться медиаторы, в том числе особое внимание при разрешении семейных споров следует уделять интересам ребенка [3].

Первой страной, где активно применяется медиация для урегулирования семейно-правовых споров стала Великобритания [5, С. 130]. Система семейной медиации в Англии и Уэльсе достаточно хорошо внедрена и прекрасно поддерживается. Совет по семейной медиации объединяет шесть ведущих организаций, в число

которых входит Ассоциация семейных медиаторов. В Англии осуществляется государственное финансирование данной сферы. До обращения в суд по семейным вопросам необходимо посетить информационную встречу для знакомства с процедурой медиации. Медиаторы должны пройти признаваемое государством обучение и сдать государственный экзамен, прежде чем смогут проводить информационные встречи и медиацию в рамках оказания правовой помощи. Они должны обладать опытом профессионального консультирования и проходить регулярную процедуру экспертной оценки своей работы. С января 2013 года обязательное требование посещать информационные сессии для знакомства с процедурой медиации распространилось практически на всех лиц, обращающихся в суд по семейно-правовым спорам [16].

Наиболее широкое распространение семейная медиация получила в Германии. Медиация необходима при возникновении споров, касающихся воспитания детей, установления опеки, раздела недвижимого имущества, распределения долгов, конфликтах, связанных с выполнением условий брачного договора [10, С. 446], для разрешения наследственных споров. В результате проведения медиации супруги приходят к обоюдному решению [20, С. 67].

В настоящее время в Германии семейную медиацию вправе проводить частнопрактикующие медиаторы, а также государственные служащие управлений по делам молодежи по спорам, связанным с воспитанием детей. Для проведения семейной медиации привлекаются специалисты, обладающие специальными знаниями в области психологии.

В Австрии порядок проведения процедуры медиации регламентируется Федеральным законом о медиации в гражданской сфере, Регламентом об образовании медиаторов в гражданской сфере, Законом о медиации Европейского союза [12]. Медиация используется при разрешении гражданских, трудовых, семейных и других конфликтов [8, С. 270].

В Австрии семейная медиация осуществляется двумя медиаторами, один из них — это специалист в области психологии (семейный психолог или психотерапевт), а другой — юрист (адвокат, специализирующийся по семейным делам или нотариус) [14, С. 456]. Такая практика является достаточно эффективной, поскольку при проведении медиации по данной категории

споров необходимо соблюдать правовые нормы, а также учитывать социально-психологические и личностные качества ее участников [11, С. 522].

В Дании процедура медиации по семейным спорам проводится в обязательном порядке [18]. В Областную государственную администрацию могут бесплатно обратиться лица, у которых возникают сложности с установлением опеки или реализацией прав на общение с ребенком [16]. Если спор не удастся разрешить путем проведения медиации, то дело передается на рассмотрение суда, где также сторонам предлагается примириться.

Медиация широко распространена и в странах Северной Европы. Например, в Финляндии глава 5 Закона о браке содержит нормы о мирном урегулировании споров между супругами в случае развода. Члены семьи вправе обратиться к медиатору за содействием и поддержкой. Медиация является конфиденциальной и учитывает интересы всех участников спора, причем первостепенное значение имеют интересы несовершеннолетних детей. Медиацию проводят как специализированные государственные учреждения, так и частнопрактикующие медиаторы. Контроль за их деятельностью осуществляют уполномоченные государственные органы Министерства социальных дел и здравоохранения Финляндии [7, С. 181].

В Италии обращение к медиатору по семейным спорам не является обязательным. Однако данная процедура применяется по инициативе судьи при рассмотрении судом дела о расторжении брака, а также в случаях выявления фактов семейного насилия [16]. К основным законодательным актам, регламентирующим медиацию

в Италии, относятся Законодательные декреты о медиации, Министерские декреты и Закон от 9 августа 2013 года [13].

В Ирландии Служба семейной медиации предоставляет медиативные услуги, финансируемые за счет государства. Однако желающих обратиться в данную службу довольно много, в связи с чем многие супружеские пары вынуждены обращаться к частным медиаторам, работающим на коммерческой основе [16].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что семейная медиация — это обособленный и наделенный уникальными характеристиками альтернативный способ разрешения споров. Активное применение процедуры медиации при разрешении семейных споров по сравнению с судебным порядком имеет существенные преимущества, позволяя сохранить дружественные отношения между бывшими супругами и защитить интересы их несовершеннолетних детей. «Именно медиатор находит решение, удовлетворяющее интересы обеих сторон, в отличие от решения суда, которое выполняет репрессивную функцию государства и удовлетворяет интересы одной стороны» [23, С. 99].

Опыт зарубежных стран имеет решающее значение для развития семейной медиации в России [6, С. 31]. При этом следует обратить внимание на то, что как, например, в Австрии, наиболее эффективным будет привлечение психолога, специализирующегося в области семейной и возрастной психологии. В субъектах Российской Федерации необходимо создать Службы судебных психологов, одним из направлений деятельности которых должно являться проведение медиации по семейным спорам.

Библиографический список

1. *Бодрова Е. А.* Современная форма семейной медиации в России и за рубежом // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2015. — № 1 (144). — С. 134–137.
2. *Буянова Е. В.* Особенности процедуры медиации в семейных спорах: анализ зарубежного опыта // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2016. — № 30. — С. 71–79.
3. Европейский кодекс поведения медиаторов от 02.07.2004 г. — URL: <http://base.garant.ru/70515162/> (дата обращения 14.08.2019)
4. *Елисеева Т. С.* Зарубежный опыт правового регулирования процедуры альтернативного разрешения споров // Юридический мир. — 2015. — № 6. — URL: <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/15071> (дата обращения 14.08.2019)
5. *Ивановская Н. В.* Медиация в Англии и Уэльсе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2013. — № 1. — С. 130–135.

6. *Исаенкова О.В.* Использование опыта Республики Беларусь и других государств для развития семейной медиации в России // Медиация в семейном конфликте: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. — 2018. — С. 30–35.
7. *Калашикова С.И.* Медиация в сфере гражданской юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2010. — 257 с.
8. *Коломытцева В.В.* Этапы становления медиации в зарубежных странах // Вестник ТГУ. — 2013. — № 2. — С. 268–272.
9. *Кутюков Д.В.* Медиация как альтернативный способ разрешения конфликтных ситуаций // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. — Челябинск, 2011. — С. 127–129.
10. *Лосякова К.А., Худойкина Т.В.* Применение семейной медиации в России и в европейских странах // Вестник современных исследований. — 2018. — № 6.2 (21). — С. 446–447.
11. *Оганесян Д.А.* Медиация в европейском семейном праве // Вестник современных исследований. — 2018. — № 5.4 (20). — С. 520–522.
12. Официальный сайт ФГБУ «Федеральный институт медиации». — URL: <http://fedim.ru/mediatsiya-v-mire/евгора/avstriya/> (дата обращения 14.08.2019)
13. Официальный сайт ФГБУ «Федеральный институт медиации». — URL: <http://fedim.ru/mediatsiya-v-mire/евгора/italiya/> (дата обращения 14.08.2019)
14. *Пантеева И.А.* Семейная медиация как альтернативная процедура разрешения споров // Вестник ННГУ. — 2014. — № 1. — С. 452–457.
15. *Садовникова М.Н., Раднаева Э.Л.* Дружественное к ребенку правосудие и восстановительно-медиативные технологии: аналитический обзор научно-практических форумов Восточной Сибири // Сибирский юридический вестник. — 2016. — № 1. — С. 99.
16. *Ташевский С.* Большой диалог о семейной медиации // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2013. № 1 (27). — URL: <http://edition.vogazeta.ru/ivo/info/14517.html> (дата обращения 14.08.2019)
17. Хартия о международной семейной медиации // Вестник федерального института медиации. — 2017. — № 1. — С. 181–188.
18. *Casals M.M.* Divorce Mediation in Europe: An Introductory Outline // Electronic Journal of Comparative Law. — 2005. — Vol. 9.2. — P. 1–24. — URL: <https://www.ejcl.org/92/art92-2.html> (дата обращения 14.08.2019)
19. Recommendation No. R (98) 1 of the Committee of Ministers to member states on family mediation. — URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804ecb6e#%20search=recommendation%20family%20mediation> (дата обращения 14.08.2019)
20. *Thomas Trenczek, Serge Loode.* Mediation «made in Germany» — a quality product // ADRJ. — 2012. — № 23. — P. 61–70. — URL: https://www.researchgate.net/publication/228096531_Mediation_made_in_Germany_-_a_quality_product (дата обращения 14.08.2019)

УДК 347.61(470+571)

DOI: 10.14451/2.132.15

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ В РОССИИ *

© 2019 Курмаева Наталья Анатольевна

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Россия, Саранск
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru

© 2019 Кулагина Мария Николаевна

магистрант кафедры правовых дисциплин
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Россия, Саранск

Процедура медиации является наиболее предпочтительной формой урегулирования семейных споров. К числу ее главных преимуществ следует отнести безболезненность разрешения конфликта для всех его участников, учет интересов каждой стороны, в том числе несовершеннолетних детей, сохранение доброжелательных отношений между супругами при расторжении брака. Это особенно важно в семейных отношениях, поскольку расставание родителей негативно отражается на психике детей. В то же время, несмотря на множество положительных моментов, в нашей стране семейная медиация не находит широкого применения, в связи с чем авторами высказаны рекомендации о перспективных направлениях применения данной процедуры как альтернативного способа разрешения семейных споров. К проведению данной процедуры предложено привлекать психолога, что повысит ее результативность и обеспечит максимальную психологическую комфортность для лиц, в ней участвующих.

Ключевые слова: медиация, семейная медиация, процедура медиации, медиатор, семейный спор, семейные отношения, конфликт, стороны конфликта, медиативное соглашение.

Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции РФ семья, материнство и детство находятся под защитой государства. В связи с этим необходимо укреплять институт семьи, стараться предотвращать случаи расторжения брака между супругами, защищать права и интересы детей, чему способствует внедрение и развитие процедуры семейной медиации. Применение медиативных процедур для урегулирования семейных конфликтов направлено на защиту семьи и детей.

Медиация — это добровольный способ урегулирования семейно-правового конфликта при активном содействии медиатора. Для проведения медиации необходимо добровольное согласие сторон. Результатом данной процедуры является достижение взаимоприемлемого решения, выраженного в медиативном соглашении.

В некоторых случаях медиация помогает предотвратить расторжение брака, в других — существенно способствует урегулированию последствий расставания супругов, тем самым сохраняя дружественные отношения, взаимопо-

нимание и сотрудничество между ними.

Посредством проведения процедуры медиации разрешаются семейные споры, возникающие между родителями и детьми, в том числе от другого брака, братьями и сестрами, супругами и их родителями, а также между супругами по вопросам усыновления (удочерения) ребенка, воспитания детей, ухода за престарелыми членами семьи и т.п. [4, С. 59].

Наиболее распространенной формой семейной медиации является медиация при бракоразводном процессе. В данном случае сталкиваются не только интересы взрослых людей, но и их стремление манипулировать своими детьми [1, С. 135–136]. Почти всегда это бывает необходимо для увеличения доли имущества, подлежащего разделу.

Главными преимуществами семейной медиации являются безболезненность разрешения конфликта для всех его участников, учет интересов каждой стороны, в том числе несовершеннолетних детей, сохранение доброжелательных отношений между супругами при расторжении

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00570

брака. Это особенно важно в семейных отношениях, поскольку расставание родителей негативно отражается на психике детей [3].

Как правило, при расторжении брака между супругами возникают конфликты, касающиеся раздела имущества, приобретенного совместно, о том, с кем будут проживать несовершеннолетние дети и об определении порядка общения с ними. Бывшие супруги, находясь в стрессовой ситуации под влиянием эмоций, не могут принять самостоятельное решение по вышеуказанным вопросам. В таком случае они вынуждены обратиться в суд. Споры, возникающие из брачно-семейных отношений, представляют особую сложность, их рассмотрение занимает длительное время, особенно в случаях, когда затрагиваются интересы несовершеннолетних детей.

В суде отношения супругов носят соперничающий характер, отличаются противоборством, каждый из них старается выиграть процесс. При этом одна из сторон всегда остается недовольна результатом судебного рассмотрения спора, поскольку считает, что решение суда не учитывает ее интересы. В результате решение суда очень трудно исполнить [2, С. 73].

Помощь посредника в бракоразводном процессе способна сгладить острые противоречия между бывшими супругами и выработать оптимальную модель урегулирования их взаимных претензий друг к другу.

Таким образом, можно перечислить основные характеристики медиации: конфиденциальность и добровольность проведения данной процедуры; самостоятельный выбор медиатора противоборствующими сторонами; его независимость и самостоятельность; учет индивидуально-психологических особенностей участников; возможность выражения своего мнения в целях поиска взаимоприемлемого решения; максимальный контроль сторон за осуществлением процедуры медиации.

Особая эмоциональность отличает семейную медиацию от других видов примирительных процедур, поскольку без выхода накопившихся друг к другу претензий и обид невозможно достижение компромисса и принятие взаимоприемлемого решения. При этом первостепенное значение имеют интересы несовершеннолетних детей. В семейных правоотношениях рекомендуется значительное внимание уделять индивидуально-психологическим особенно-

стям их участников [5, С. 33].

Сложность процедуры разрешения споров между супругами состоит не только в необходимости применения норм семейного права, но и требуется достаточный уровень знаний возрастной и семейной психологии, педагогики и конфликтологии. В этой связи, учитывая имеющийся положительный зарубежный опыт [9, С. 456], к проведению данной процедуры следует привлекать психолога, что повысит результативность данной процедуры и обеспечит максимальную психологическую комфортность для ее участников.

При расторжении брака между супругами чаще всего страдают их несовершеннолетние дети. Выяснение отношений интересует родителей больше всего. С помощью детей они пытаются как можно больше обидеть друг друга, при этом закармливая ребенка подарками, наговаривая на плохого папу или маму или даже запугивая, не задумываясь о том, что для него одинаково любимы и родны оба родителя. Спорящие супруги очень редко учитывают мнение своего ребенка, тем самым подвергая его стрессам, боязни потерять кого-то из родителей. Более всего на такие манипуляции реагируют подростки. Результатом может стать побег ребенка из дома, общение с девиантными сверстниками, курение, употребление спиртных напитков и даже наркотиков. Применение семейной медиации позволяет сторонам конфликта договориться наиболее благоприятным путем не только для себя, но и учесть наилучшие интересы своих детей.

Главная задача медиатора состоит в проведении переговоров, целью которых является поиск сторонами решения, которое будет являться компромиссным для обеих сторон.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «медиатор, медиаторы — независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора».

Медиатор не принимает никаких обязательных решений, а лишь оказывает сторонам содействие в поиске наилучшего способа урегулировании спора. В ходе медиативного процесса субъекты конфликта обсуждают различные ва-

рианты его разрешения и совместно выбирают наилучший из них [11, С. 54].

Как правило, семейная медиация проводится в несколько этапов:

1) обоюдное волеизъявление сторон на проведение процедуры медиации. При желании оно может подкрепляться заключением определенного соглашения;

2) поиск сторонами конфликта медиатора с последующим заключением договора о проведении медиации;

3) сбор и систематизация информации, полученной медиатором от сторон конфликта, их требования, а также выявление третьих лиц, участвующих в процессе, назначение даты, времени и места проведения беседы;

4) непосредственное проведение медиации, в ходе которой медиатор изучает и систематизирует информацию, полученную от сторон конфликта, а также третьих лиц, выявляет возможные риски и постепенно помогает сторонам конфликта достичь соглашения, устраивающее их;

5) достижение согласия между участниками семейного конфликта и заключение медиативного соглашения. Если при проведении медиации сторонам все же не удалось договориться о мирном разрешении спора, и медиативное соглашение ввиду ряда причин не было заключено, они вправе обратиться в суд.

По результатам проведения процедуры медиации заключаются следующие медиативные соглашения:

1) соглашение, предусматривающее порядок осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка;

2) брачный договор, составляемый в письменной форме и подлежащий нотариальному удостоверению;

3) соглашение о разделе общего имущества супругов;

4) соглашение об уплате алиментов, определяющее размер, условия и порядок их выплаты, подлежащее нотариальному удостоверению.

В настоящее время медиативные соглашения приравниваются к мировым соглашениям, так как одинаковы по смыслу и объединены общей целью.

Семейная медиация не может применяться при выявлении случаев физического насилия, психического расстройства участников конфликта, злоупотребления ими спиртными на-

питками и наркотическими средствами [4, С. 61].

Порядок проведения процедуры медиации, в том числе и по семейным спорам, регламентируется Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ. Но, несмотря на достаточно длительный период действия данного закона, семейная медиация до сих пор не находит широкого применения в России. Это обусловлено следующими факторами:

1) значительная стоимость услуг профессионального медиатора. В частности, по данным аналитического материала СПС «Гарант» один час работы медиатора оценивается примерно в две тысячи рублей [10, С. 23]. Учитывая, что примирение сторон одной процедурой не обойдется, сумма получается значительная, и не все граждане могут позволить оплатить данные услуги. К тому же нет никаких гарантий, что в итоге найдется компромисс и удастся заключить мировое соглашение. Что касается денежных трат при разбирательстве в суде, то сумма госпошлины при расторжении брака по состоянию на сегодняшний день составляет 600 рублей (п. 5 ч. 1 ст. 333.19 НК РФ) [8]. Разница очевидна. Кроме того, следует учитывать отсутствие серьезного государственного финансирования программ развития семейной медиации [5, С. 32];

2) пробелы в законодательстве о процедуре медиации. В Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не содержится точного регламента проведения данной процедуры, отсутствуют четко прописанные требования, предъявляемые к медиатору, не регламентированы его функции, не указано, что в ходе проведения процедуры приемлемо выполнять, что обязательно или строго запрещено;

3) отсутствие специализированных государственных центров медиации. Граждане с недоверием относятся к так называемым «конторам» оказания медиативных услуг и редко обращаются к услугам частных медиаторов;

4) отсутствие хорошей рекламы. Как известно, разрешить конфликт мирным путем возможно как до начала судебного разбирательства, так и на любой из его стадий. Судья разъясняет конфликтующим сторонам преимущества использования процедуры медиации, сообщает о возможности мирного разрешения спора с сохранением межличностных отношений. Но, к

сожалению, не все знают о том, что можно обратиться к медиатору для содействия в разрешении семейного спора. Поэтому в средствах массовой информации следует как можно доступнее и понятнее разъяснить смысл и значение семейной медиации.

Таким образом, медиация представляет собой гибкий и действенный процесс, который направлен на достижение мирного урегулирования семейного конфликта с сохранением дружественных отношений между сторонами.

В научной литературе высказаны мнения об обязательности проведения процедуры медиации при разрешении семейно-правовых споров [7, С. 194]. Данное предложение, несомненно, будет способствовать сокращению количества дел, находящихся в производстве, снизит судебную нагрузку [6, С. 30]. Однако это противоречит до-

бровольному характеру медиативной процедуры.

Тем не менее, следует активно развивать применение медиативных технологий при разрешении семейных конфликтов. Требуется создание специальных центров для подготовки квалифицированных медиаторов. Предпочтительнее создавать государственные службы, занимающиеся вопросами семейной медиации, для этого необходимо государственное финансирование. Значительное внимание следует уделять вопросам привлечения психолога для проведения медиации, так называемая процедура сомедиации. В субъектах Российской Федерации рекомендуется создать Службы судебных психологов, одним из направлений деятельности которых будет являться проведение медиации по семейным спорам.

Библиографический список

1. *Бодрова Е.А.* Современная форма семейной медиации в России и за рубежом // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2015. — № 1 (144). — С. 134–137.
2. *Буянова Е.В.* Особенности процедуры медиации в семейных спорах: анализ зарубежного опыта // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2016. — № 30. — С. 71–79.
3. Вести образования. — 2015. — № 5 (114). — URL: <http://edition.vogazeta.ru/ivo/info/14517.html> (дата обращения 13.09.2019)
4. *Емелькина И.А.* Семейная медиация при рассмотрении споров, вытекающих из семейных правоотношений // Применение процедуры медиации при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции (методическое пособие). — Саранск, 2018. — С. 59–62.
5. *Исаенкова О.В.* Использование опыта Республики Беларусь и других государств для развития семейной медиации в России // Медиация в семейном конфликте: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. — Саратов: Саратовский источник, 2018. — С. 30–35.
6. *Куринова Л.Ю.* Медиация — эффективный способ урегулирования семейных конфликтов // Применение процедуры медиации при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции (методическое пособие). — Саранск, 2018. — С. 24–30.
7. *Назинцева А.Ю.* Современное состояние семейной медиации в России // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы X Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов. — Саратов: Саратовский источник, 2017. — С. 192–195.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 30.07.2019). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/84d383b088ff6ad7be9ba16d43c71828b1105aa5 (дата обращения 13.09.2019)
9. *Пантеева И.А.* Семейная медиация как альтернативная процедура разрешения споров // Вестник ННГУ. — 2014. — № 1. — С. 452–457.
10. *Смелкова Г.Ф.* Проблемы интеграции процедуры медиации в гражданский процесс // Применение процедуры медиации при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции (методическое пособие). — Саранск, 2018. — С. 17–30.
11. *Худойкина Т.В.* Основные характеристики и стадии медиативного процесса // Применение процедуры медиации при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции (методическое пособие). — Саранск, 2018. — С. 48–55.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

УДК 347.73(470+571):008

DOI: 10.14451/2.132.21

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «КУЛЬТУРА» КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

© 2019 Еремина Елизавета Анатольевна

аспирант кафедры правового обеспечения экономической деятельности
Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г.В. Плеханова,
Россия, Саратов
E-mail: lizavetaeremina@gmail.com

Государственная поддержка культуры является необходимым условием устойчивого развития российского общества. Важнейшими инструментами государственной политики в сфере финансового обеспечения учреждений культуры в настоящее время являются меры, принимаемые в рамках реализации Национального проекта «Культура». Одной из основных проблем реализации указанных направлений является неопределенность правового положения национальных проектов в системе документов стратегического планирования Российской Федерации.

Ключевые слова: культура, национальный проект, стратегическое планирование, финансово-правовая политика, учреждения культуры.

Финансово-правовая политика Российской Федерации в сфере культуры является важнейшим фактором обеспечения функционирования и развития учреждений культуры в России [3]. К ее **инструментам** можно отнести различные нормативные установления, которые имеют многоуровневый характер. В том числе права и обязанности, льготы и запреты, правовые режимы и правовые основы, правовые акты т.д. [4]. Основополагающим видом юридических инструментов реализации правовой политики являются *правовые акты*.

В мае 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин издал Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 20 (с изм. и доп. от 19 июля 2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», согласно которому выделено 12 приоритетных направлений развития страны, по которым Правительство РФ было обязано сформировать соответствующие Национальные проекты (далее — Нацпроекты) и программы, среди которых указана и сфера культуры.

«Национальные проекты» как категория, используемая в государственном управлении в России — не является новеллой. Подобная практика уже применялась в период с 2005–2009 гг. и такого рода инструменты назывались «Приоритетными проектами». Однако, стоит отметить характерное для того времени, отсутствие четкого правового определения данного инстру-

мента, его нормативной основы, принципов применения в правовом поле, и как следствие абсолютное размывание границ между ним и институтом «государственных программ» [1].

В настоящий момент, развитие указанного института, характеризуется качественно иным уровнем. Под «Национальными проектами» понимаются гораздо более масштабные институты. Вместе с тем, стоит отметить, что вопрос отсутствия определенности в правовом положении Нацпроектов в системе государственного управления, их нормативно-правового регулирования и контроля остается по-прежнему актуальным.

В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (с изм. и доп. от 31 декабря 2017 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» отсутствуют указания на Нацпроекты как на документы стратегического планирования. В таком случае, абсолютно правомерным видится вопрос О.Б. Иванова и Е.М. Бухвальда: «То ли это альтернатива всем иным документам стратегического планирования как федерального, так и регионального уровня; то ли некий каркас целеуказания, который должен быть далее расширен и конкретизирован?» [2]. Они же предлагают определение понятия «Национальный проект» под которым стоит понимать «систему взаимосвязанных целеориентирующих указаний и соответствующих им подзаконных нормативных правовых актов, объединенных

единым замыслом и конечной целью» [2].

Как представляется, основным вопросом в данной ситуации является: стоит ли понимать Нацпроекты как новую форму государственных программ? Или каково соотношение этих инструментов стратегического планирования?

«Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» от 29 сентября 2018 г. одним из направлений называют развитие механизмов стратегического и проектного управления, в рамках которых планируется:

- концентрация финансовых, организационных и административных ресурсов в рамках реализации национальных, федеральных, ведомственных и региональных проектов;
- развитие института государственных программ РФ и государственных программ субъектов РФ на принципах проектного управления;
- развитие механизмов регулярного мониторинга реализации государственных программ;
- интеграция федеральных проектов и государственных программ Российской Федерации исходя из целевой роли государственных программ;
- установление обязательности представления итогов реализации государственных программ, в сводном годовом докладе о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ;
- закрепление персональной ответственности за достижение целей и задач проектов.

Таким образом, в документе неоднократно говорится об интеграции госпрограмм и нацпроектов, принципе проектного управления и т. д., но так и не оговаривается вопрос соотношения их положения в системе документов стратегического планирования.

Нормативным правовым актом, закрепляющим правовые основы регулирования Национальных проектов в РФ, является Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 (с доп. и изм. от 30 июля 2019 г.) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»), которое дает определение Национального проекта, совершенно очевидно не отражающее ключевых особенностей данного понятия.

Обращаясь к действующей системе актов

государственной политики в сфере культуры, включая акты финансово-правовой политики, обращают на себя внимание и без того большое число, по сути, параллельно действующих стратегий, государственных и ведомственных программ, ориентированных на развитие сферы культуры в России. И как совершенно верно отмечено в Направлениях деятельности Правительства РФ, систему мониторинга, контроля за реализацией и институт ответственности за не-реализацию госпрограмм еще только предстоит выстроить. Как представляется, такая ситуация ведет к размыванию финансовых ресурсов, расходуемых для решения вполне определенной задачи, в рамках подведомственности одного Министерства. Это препятствует объективной оценке итогов практической реализации многочисленных документов.

Кроме того, следует заметить, что у большинства государственных программ, концепций и стратегий в сфере культуры в ближайшие два года истекает срок их действия. При этом за прошедший период по многим целевым показателям результаты так и не были достигнуты. Возможно было бы сделать предположение, что по аналогии с тем, как федеральные целевые программы «Культура России — 2012» и «Культура России — 2018» стали составными частями Государственной программы «Развитие культуры и туризма», так и она в свою очередь может стать частью Нацпроекта «Культура». Однако в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 374 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 317» были внесены масштабные изменения в Программу, которые продлили срок ее действия до 2024 года, а также были внесены поправки, учитывающие реализацию Нацпроекта «Культура», общий характер которых говорит о Нацпроекте скорее, как о самостоятельном инструменте. В частности, представляет интерес следующее положение «Реализация национального проекта «Культура» предусмотрена в ходе III и IV этапов (2019–2024 годы) реализации Программы», однако из него следует лишь то, что по временным рамкам реализация проекта совпадает с реализацией определенных этапов госпрограммы.

Параллельное использование двух инструментов стратегического планирования, требует более четкого их разграничения, выделения их специфических функций, систем управления и

координации, а также механизмов финансирования. Совершенно очевидно, что в настоящий момент между этими институтами есть и должны быть определенные различия, в следствии чего, представляется провести такое разграничение по некоторым параметрам:

1. **Органы управления.** Исполнение государственной программы осуществляется в рамках соответствующего федерального министерства или нескольких министерств.

Нацпроекты реализуются с помощью специально созданной структуры федерального уровня — Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Кроме того, для решения текущих вопросов формируется Президиум, возглавляемый Председателем Правительства РФ.

2. **Правовое регулирование.** Каждая государственная программа имеет определенную форму, которая устанавливается специальным нормативно-правовым актом (соответствующим Постановлением Правительства РФ).

Для отдельных национальных проектов такое регулирование отсутствует — основными документами для них являются паспорта национальных проектов, которые утверждаются решением президиума вышеуказанного Совета, и не имеют правового характера.

3. **Целеполагание.** Как следует из различных методических материалов, подготовленных Министерством финансов РФ система целеполагания национальных проектов — основывается главным образом, на концентрации на обеспечении прорывных результатов. Проводя различие между национальными проектами и государственными программами Минфин России поясняет, что *целью госпрограммы* является сохранение сложившихся подходов к организации определенной сферы государственного управления, в то время как *целью нацпроекта* — прорывные решения [5].

4. **Срок реализации.** Методические материалы Минфина России обращают внимание на то, что формирование нацпроектов осуществляется на шестилетний период. Нацпроекты строго ограничены по срокам и должны привести к уникальному конкретному результату. Государственные же программы представлены Минфином РФ как процессы, т.е. непрерывные или постоянно возобновляемые, которые реализуются в соответствии с устоявшимися процедурами [5].

5. **Формирование бюджетной классификации и особенности финансового обеспечения.**

Что касается финансового аспекта указанных инструментов, то непосредственно через государственные программы реализуется значительная часть расходной части федерального бюджета, в то же время расходы на Национальные проекты включаются в структуру бюджетной классификации по отдельным ведомствам (в рамках настоящего исследования Министерство культуры РФ), а также государственных программ.

Основная часть мероприятий, планируемых в рамках нацпроектов, относятся к полномочиям субъектов Российской Федерации, оказание финансовой поддержки которых планируется осуществлять с помощью совершенно нового вида бюджетных асигнований «иногосударственного трансферта (гранта)».

Основываясь на вышеизложенном можно сделать вывод, о том, что полной «корреспонденции» между национальными проектами и государственными программами не просматривается.

Переходя непосредственно к Национальному проекту «Культура» стоит отметить, что в Указе Президента РФ о национальных целях и стратегических задачах, цели относительно рассматриваемой сферы определены достаточно широко. В целом, речь идет об общей модернизации учреждений культуры. Данным указом почти по всем программам в различных сферах государственного управления определяются цели и целевые показатели, а также задачи, которые необходимо решать. Пункт 12 Указа № 204 посвященный вопросам культуры отличается по своей структуре и общему подходу от всех других пунктов приоритетных направлений. В нем нет целей, целевых показателей и задач.

В соответствии с Посланием Президента РФ Федеральному собранию РФ в 2018 году [5] в ближайшие годы предполагается, создание по всей России новых, и реконструкция старых, культурно-досуговых организаций клубного типа, культурно-образовательных и музейных комплексов.

Анализируя паспорт Нацпроекта, можно отметить, что заявляется две цели, одна из которых — увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз, а вторая — увеличение на 15% числа посещений организаций культуры. Структура Нацпроекта включает в себя три Федеральных проекта: Обеспечение ка-

чественно нового уровня развития инфраструктуры культуры («Культурная среда»); Создание условий для реализации творческого потенциала нации («Творческие люди»); «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» («Цифровая культура»). Отдельно хочется отметить, сокращенное название федерального проекта «Цифровая культура». Принимая во внимание всю неоднозначность понятия «культура», совершенно очевидно, что под словосочетанием «Цифровая культура» в общественном и научном дискурсе понимается совершенно иное явление.

Указанный Федеральный проект ставит своей задачей создание виртуальных концертных залов не менее чем в 500 городах России; обеспечение широкого внедрения цифровых технологий; создание медиа-гидов по экспозициям и выставочным проектам; пополнение книжными памятниками фонда оцифрованных изданий Национальной электронной библиотеки; создание и реконструкцию объектов культуры, техническое переоснащение, цифровизацию культурной сферы.

Вместе с тем, помимо рассмотренного проекта, представляется необходимым обратить внимание на национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», инициированную тем же Указом Президента РФ о национальных целях и стратегических задачах развития, согласно которого перед Правительством РФ ставится задача обеспечить в 2024 году «преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений». Таким образом, очевидно, что сфера культуры не входит в план преобразования социальной сферы. Видится необходимым дополнить «сферой культуры» данный перечень.

Обращаясь к паспорту национальной программы «Цифровая экономика», следует отме-

тить, что как токовая «сфера культуры», в рамках указанного проекта практически отсутствует. Так, какое-либо упоминание сферы, учреждений культуры отсутствует вовсе.

При этом, образовательные и медицинские организации достаточно серьезно погружены в реализацию указанной национальной программы, из чего, как представляется, следует, что Министерство культуры РФ, являясь регулятором государственной политики в сфере культуры, должно занимать более активную позицию в рамках деятельности реализуемой Правительством РФ. Правительству РФ, совместно с Министерством культуры РФ, видится необходимым предусмотреть в Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» особенности цифровизации в сфере культуры, а также обеспечить формирование нормативно-правовой базы для реализации задач по цифровизации в сфере культуры.

Подводя итог, следует указать на необходимость четкого разграничения институтов государственных программ и национальных проектов. Это может быть осуществлено посредством внесения изменений в Закон «О стратегическом планировании в РФ», в частности дополнением перечня документов стратегического планирования таким документом как национальный проект и, соответственно, распространением на него принципов нормативно-правового регулирования системы стратегического планирования.

Таким образом на доктринальном уровне, представляется под **национальным проектом** следует понимать — инструмент государственного стратегического планирования, представляющий собой комплекс запланированных мероприятий с особым режимом управления, взаимоувязанных по целям, задачам, срокам осуществления, исполнителям и финансовым ресурсам, обеспечивающих достижение приоритетов и целей государственной политики в соответствующей сфере государственного управления Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бухвальд Е. М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 С. 54–58
2. Бухвальд Е. М., Иванов О. Б. Национальные проекты России: региональное измерение. // Этап: Экономическая теория, анализ, практика, 2019. № 1. С. 37–53

3. *Еремина Е. А.* Основы финансово-правовой политики Российской Федерации в сфере культуры // Правовая культура. 2018. № 1 С.131–135
4. *Малько А. В.* Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
5. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 2018 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
6. Презентационные материалы Министерства финансов РФ: основные принципы реализации национальных проектов Минфина России <https://www.minfin.ru/ru/ismf/eb-np/> (дата обращения: 15 августа 2019 г.)

ПРОФИЛАКТИКА ТАМОЖЕННО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

© 2019 Матвиенко Галина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,

профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности
Российский государственный университет правосудия (РГУП), Россия, Москва
E-mail: galina7772005@yandex.ru

Таможенно-правовой спор рассматривается в рамках традиционной для юридической науки теории конфликта; анализируются воззрения ученых по вопросу профилактики конфликтов разной этимологии; раскрываются причины возникновения таможенно-правовых споров с участием физических лиц, приводится авторская классификация мер превенции таких споров, независимо от материальных правоотношений, послуживших почвой для их зарождения

Ключевые слова: конфликт, правовой спор, таможенно-правовой спор, таможенный орган, физические лица, причины возникновения споров, меры профилактики таможенно-правовых споров с участием физических лиц

Принятие Таможенного кодекса ЕАЭС [6], иных актов права Союза, национального Закона о таможенном регулировании [25], многочисленные вопросы, возникающие в судебной практике разрешения таможенных споров с участием физических лиц предопределили вектор этого небольшого исследования.

Традиционно правовой спор рассматривается преимущественно в контексте теории конфликта [28, с. 7; 9, с. 35–82; 14, с. 31; 15, с. 22–29; и многие другие].

Под *таможенно-правовым спором* предлагается понимать конфликт, возникающий между таможенным органом и лицом, заинтересованным в перемещении товара через таможенную границу ЕАЭС, или оказывающим содействие последнему. Причиной возникновения могут послужить различное понимание прав и обязанностей в области таможенного дела, «возникшее в связи с нарушением, реакцией и применением норм права либо по поводу соответствия между собой правовых актов, содержащих эти нормы» [10, с. 109, с. 114, 164–165]. При наличии соответствующих материальных норм, отражающих правомочия юрисдикционных органов разрешать споры по существу, и соответствующих такой деятельности норм процедурно-процессуального характера, конфликтная ситуация переводится в юридическую плоскость, формализуются. Подача иска, в том числе административного, порождает новую группу правоотношений, в рамках которых и разрешается

возникшее противостояние, на что указывают отдельные ученые, интересующиеся проблемой [например, 13, с. 10, 24]. Таможенные споры могут проистекать из публичных (административных и финансовых) [2; 16] и гражданских правоотношений, что, на наш взгляд, не исключает возможности обозначить общие для всех таких споров меры превенции.

Термин «профилактика» (от греч. «prophylaktikos» — предохранительный) изначально применялся как медицинский, и означает систему мер, направленных на предупреждение заболевания или его рецидива [1, с. 1074].

Следовательно, *профилактика споров* — система мер, направленных на их предупреждение, устранение причин их возникновения и возобновления.

В юридической литературе подробным образом раскрывается система мер предупреждения юридических конфликтов в целом, и их разновидностей — противоправных деяний (правонарушений и преступлений) и споров.

Так, А.В. Дмитриев — крупный специалист в области юридической конфликтологии, полагает: предупреждение конфликта заключается, прежде всего, «в воздействии на все или некоторые его элементы до того, как открытое противостояние возникло» [5, с. 226]. Помимо устранения причин возникновения, автор называет и иные способы превенции: развитие конфликтологических исследований; поддержка сотрудничества; институционализация отношений, при

которой создаются постоянные или временные формы взаимодействия сторон (в нашем случае таким примером могут служить Общественный Совет и Экспертно-консультативный совет по реализации таможенной политики при ФТС России). Ученый называет также нормативные способы предупреждения конфликтов: установление норм и контроль за их соблюдением. Обозначены общепринятые методы нормативной регуляции, например: метод формализации (установление правил поведения в нормах); метод локализации, предполагающий «привязывание» норм к местности или определенным условиям; метод индивидуализации, предполагающий дифференциацию норм с учетом личных особенностей и ресурсов; метод информации, представляющий собой разъяснение необходимости соблюдать нормы права; и иные. Особое внимание уделено воздействию уже принятых норм права на превенцию конфликтов [5, с. 227–243].

Козырев Г.И. акцентирует внимание на информированности о юридических последствиях возникшей конфликтной ситуации, справедливо полагая, что зачастую она «является достаточной для того, чтобы стороны согласились на ее «мирное» урегулирование». Уже возникший конфликт должен быть подвергнут всестороннему анализу, формализован (вспыхнувший хаотично, он преобразуется в юридический); разрешение его осуществляется при условии строгого соблюдения процедурных норм, документальной фиксации всех процедур и коллизий; принятое решение должно быть основано на нормах права, оно может быть обжаловано сторонами в случае несогласия с ним [11, с. 246–249]. Думается, что информированность адресатов нормы и наличие процедур урегулирования конфликта следует рассматривать как незыблемую гарантию защиты прав и законных интересов участников потенциального спора.

Наиболее разветвленный анализ мер предупреждения конфликтов содержится в диссертационном исследовании В.С. Жеребина. Ученый рассматривает их как компонент сложной системы мер преодоления (снятия) «взаимных юридических претензий», к числу которых относятся также меры урегулирования, консенсуализации, разрешения, устранения и ликвидации конфликта. Автор выделяет меры предупреждения конфликтов макро- и микроуровней. К первому отнесена превентивная деятельность

юрисдикционных органов, ее «направленность на предупреждение правовых коллизий между физическими и юридическими лицами». Второй тип профилактических мер применяется на разных этапах: первый — «ранняя профилактика», выражается в форме защиты и устранения неблагоприятных последствий для конкретных лиц (приводится пример оказания юридической помощи наиболее нуждающимся в ней субъектам); второй этап — «досудебная профилактика» юридических конфликтов — характерен для стадии их возникновения и официального оформления, в ходе подготовки дела к последующему судебному разбирательству; третий этап — «судебная и квазисудебная» профилактика предполагается на стадии рассмотрения конфликта юрисдикционным органом или судом (на этом этапе особенно важно, по мнению автора, предупредить т.н. «ложный конфликт»); четвертый этап — «постсудебная и постквазисудебная профилактика» проявляется на стадии исполнительного производства и реализации принятых решений [7, с. 274–291]. Как следует из логики повествования, на каждом этапе с момента зарождения и последующей фиксации конфликта соответствующий орган, реализуя свои полномочия по его предупреждению и разрешению, действуя в рамках конкретных процедур, обеспечивает таким образом превенцию противостояний в будущем.

По мнению Т.В. Худойкиной предупредительные мероприятия направлены «как на выявление и устранение конфликтогенных факторов в правовой сфере, так и на сохранение и укрепление нормального состояния юридических отношений». К числу обстоятельств, способствующих возникновению и эскалации конфликта, причислены «факторы-условия, факторы-причины и факторы воздействия» (конфликтогенными признается негативная разновидность последних). Разрешению конфликта служат «факторы воздействия» положительной направленности, «факторы-координаторы управления и разрешения конфликта». По справедливому мнению автора, влияя на условия, можно воздействовать и на причины [26, с. 4, 6–7].

Меры превенции *правовых споров* как вида конфликтов вызывают интерес у ученых, специализирующихся в различных отраслях юридической науки. Например, в пособии В.И. Попова были раскрыты стадии применения советского трудового законодательства [17, с. 4–10]. Автор

связывает меры профилактики с правильным толкованием нормативных предписаний и соблюдением процедур правоприменения.

В современных исследованиях немало сказано о превенции споров в сфере государственного управления. Так, целям предупреждения административных споров, по мнению А.Б. Зеленцова, служат средства и процедуры, которые используются с целью предотвращения принятия административных актов, «не учитывающих законные интересы адресатов и третьих лиц, ... нарушающих субъективные публичные права частных лиц, либо вызывающих возражения из-за неинформированности о причинах принятия содержащихся в них решений». Названные меры применяются, по мнению ученого, как правило, до принятия административных актов. К ним причислены: вопросы, переговоры и консультации. Ученый позитивно оценивает наличие в таможенном законодательстве статей, посвященных информированию и консультированию [9, с. 661]. Данная концепция заслуживает интереса и вполне может быть воспринята при изучении системы мер профилактики споров в таможенной сфере. Однако представляется, что юридический конфликт может возникнуть не только ввиду нарушения законного интереса, субъективного права, но и в связи с неисполнением обязанности, а также по поводу притязаний на освобождение от нее [3, с. 30].

Поскольку любой правовой спор, как и правонарушение или преступление, — это вид конфликта, логично выяснить, какие меры предупреждения нарушений нормативных предписаний называют специалисты.

Вслед за теоретиками права ученые отмечают *регулирующую функцию правовых норм в деле превенции*, поскольку они обеспечивают слаженность и упорядоченность профилактики противоправных деяний [8, с. 17–18; 21, с. 123–124], поддержание режима законности, что позволяет удержать «правонарушаемость»... на социально терпимом уровне» [4, с. 222].

В качестве меры выявления и предупреждения правонарушений в области таможенного дела называют, например, осуществление таможенного контроля в установленных формах, оснащение таможни техническими средствами, применение системы управления рисками [12, с. 33–35]. Представляется, что первые две из обозначенных мер — это способы выявления правонарушений, а управление рисками нацелено как

на выявление, так и профилактику нарушений таможенных правил.

Очевидно, оценка возможных рисков возникновения, в том числе в целях прогноза — мера, способствующая превенции конфликтов любой природы [28, с. 52].

Приведенные выше мнения авторов позволяют заключить, что *меры профилактики правовых споров в таможенной сфере* применяются как на этапе совершенствования таможенного законодательства, так и унификации правоприменительной практики судов, таможенных органов за счет актов толкования оценочных понятий таможенного законодательства, разъяснений процедур взаимодействия декларанта и таможни по вопросам, которые чаще всего становятся «зоной конфликта». В работе с декларантом применяются такие меры превенции разногласий, как информирование, консультирование, диалог, управление рисками.

Очевидно, что указанные выше способы предупреждения конфликтов, так или иначе предусмотренные законодательством, но не закрепленные в нормах права как система мер, могут быть дополнены и иными. Анализ причин возникновения споров с участием физических лиц позволит этот перечень расширить.

Незнание таможенных правил и/или нежелание их знать служит основной причиной возникновения конфликтных ситуаций, возникающих по вине декларанта-физического лица. Неэффективность функционирования правовой системы в целом объясняется в науке низким уровнем правовой культуры [11, с. 248].

Остальные причины обусловлены несовершенством нормотворческого процесса по вопросам таможенного дела, объективной сложностью таможенных правил, наличием в них оценочных понятий, порождающих вопросы толкования и правоприменения. Приведем их:

- «многослойность» таможенно-правового регулирования. Например, ставки единого таможенного платежа (далее — ЕТП), который взимается с физических лиц при перемещении товаров для личного пользования, устанавливает Евразийская экономическая комиссия [22], однако на уровне национального его ставки могут быть изменены [6, абз. 2 п. 8 ст. 266];

- фундамент правового режима перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС заложен не только в кодифицированных источниках [6, 25], но и иных многочисленных норма-

тивных правовых актах;

- нестабильность норм таможенного права (в частности, по вопросам таможенного обложения);

- отсутствие практики широкого общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по вопросам таможенного права, принимаемых в отношении физических лиц;

- отсутствие профессионального лобби-сообщества, представляющего интересы физических лиц в ходе принятия соответствующих актов Евразийского экономического союза, норм национального характера в области таможенного дела;

- необязательность проведения и возможного учета результатов проведения регулирующего воздействия проектов решений Евразийской экономической комиссии, которые могут оказать влияние на порядок и условия перемещения товаров для личного пользования. Напротив, такая оценка и учет обязательны при принятии решений, которые могут оказать «влияние на условия ведения предпринимательской деятельности» [19, п. 15];

- трудности в уяснении таможенных правил, объяснимые наличием в них ряда оценочных понятий, «размытых» критериев оценки (например, критерия частоты перемещения товара в целях отнесения его к товарам для личного пользования);

- отсутствие на уровне ЕАЭС отлаженной системы мониторинга причин возникновения конфликтных ситуаций с участием физических лиц;

- недостаточность гарантий защиты прав и законных интересов физических лиц на уровне ЕАЭС.

Поясним некоторые причины и внесем предложения по их устранению.

Очевидна общая тенденция: интерес у профессиональных юристов вызывают таможенные споры с участием хозяйствующих субъектов. Этот тезис подтверждает и содержание важнейшего для правоприменительной практики акта — постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 [18]: оно преимущественно раскрывает позицию Суда по вопросам, возникающим в арбитражной практике. Заметим, что в обсуждении проекта указанного Постановления активное участие принимали не только судьи Верховного Суда РФ, представители Евразийской экономической комиссии, Мин-

фина России, ФТС России, но и участников ВЭД. Результаты такого диалога нашли свое отражение в тексте итогового документа. В нем, как и в принятых позднее кодифицированных актах [6, 25], максимально учтены мировые стандарты, принятые в целях защиты декларантов от произвола властей, и применимые в ходе взаимодействия декларанта с таможенным органом по вопросам оценки таможенной стоимости, классификации товаров в таможенных целях; приняты во внимание правоприменительная практика других стран и позиция международного экспертного сообщества по актуальным вопросам таможенного права, что способствует и предотвращению споров.

В вышеуказанном постановлении Пленума вопросам перемещения товаров для личного пользования непосредственно посвящены всего три пункта (пп. 35–37), что, безусловно, не умаляет их важности. Однако этот момент свидетельствует и о недостаточном внимании правоприменителя к профилактике нарушений прав и законных интересов физических лиц.

Это можно объяснить, обратившись к финансовой стороне вопроса. Ввозные таможенные пошлины и некоторые иные платежи (например, антидемпинговые пошлины), взимаемые при ввозе товаров в коммерческих партиях, распределяются между бюджетами стран Евразийского экономического союза [21]. По смыслу пункта 1 ст. 61 и п. 19 ст. 266 ТК ЕАЭС, суммы ЕТП, уплачиваемого физическими лицами, поступают исключительно в казну государства назначения товара. Ставки ЕТП установлены на союзном уровне [22], однако государство, таможенные органы которого администрируют указанный платеж, вправе эти ставки пересматривать [6, абз. 2 п. 8 ст. 266]. Пока этого не произошло, однако Минфин России призывает увеличить вдвое сумму таможенного сбора за таможенные операции при перемещении международных почтовых отправлений в адрес физических лиц [27]. Традиционно фиск проявляет интерес к правовому статусу физического лица в целях пополнения казны.

Бесспорно, что физическое лицо является самой незащищенной стороной таможенного процесса. С сожалением приходится констатировать: в настоящее время в России и иных странах ЕАЭС отсутствует лобби-сообщество, целенаправленно поддерживающего интересы физических лиц в таможенной сфере в ходе нор-

мотворчества и правоприменения. Здесь не подразумевается деятельность адвокатов, защищающих права отдельных физических лиц в судах, а также законодательная инициатива народных избранников. Речь идет об объединении профессионалов, которое на основе диалога, консультаций, т.е. совместно с властью, разрабатывает меры профилактики таможенно-правовых споров с участием физических лиц.

Практика последних лет свидетельствует об исключительной роли Конституционного и Верховного судов страны в повышении правовой определенности оценочных норм таможенного права, в том числе, толкуемых и подлежащих применению при перемещении товаров для личного пользования. Безусловно, официальное разъяснение спорных понятий также способствует дальнейшему предотвращению разногласий. Между тем, сообщения в целях унификации правоприменительной практики по данным вопросам между Конституционным и Верховным судами РФ осуществляется в замедленном темпе. Так, противостояние по вопросам таможенного обложения похищенных на территории страны временно ввезенных транспортных средств, завершились победой здравого смысла [18, п. 37]. Но не всякий акт толкования находит свое отражение в принимаемых нормах. Вероятно, следует предусмотреть процедуру взаимодействия между высшими органами правосудия стран Союза и органами ЕАЭС по актуальным вопросам перемещения товаров для личного пользования, в том числе, в ходе нормотворчества.

Очевидно, что имеющихся гарантий защиты прав и законных интересов физических лиц на наднациональном уровне также недостаточно. Основные права и обязанности рассматриваемой категории субъектов установлены в нормах права ЕАЭС, однако в Суд ЕАЭС физические лица, не являющиеся участниками ВЭД, не имеют возможности обратиться напрямую [20, п. 46]. Иная ситуация в Европейском Союзе: в Суд ЕС вправе обращаться как хозяйствующие субъекты, так и физические лица [29, п. 3 ст. 19].

Все вышеизложенное позволяет предложить следующие меры предупреждения таможенно-правовых споров с участием физических лиц.

На уровне нормотворчества необходимо, на наш взгляд, обеспечить не только широкоформатное обсуждение проектов нормативных правовых актов, затрагивающих правовой статус указанной категории субъектов, но и установить

обязательный учет оценки прогноза их принятия (диалог + прогноз экономической эффективности + учет рисков нарушения прав и законных интересов физических лиц). Что можно сделать? Обязать Евразийскую экономическую комиссию «спускать» проект решений в национальные центральные таможенные ведомства в целях обсуждения их на заседаниях общественных и экспертно-консультативных советов. К сожалению, в таких советах, действующих при ФТС России, пока не созданы отдельные комиссии, которые обсуждали бы исключительно проблемы отправления таможенных формальностей и обложения товаров для личного пользования. Их необходимо создать, привлечь к работе не только представителей таможенных органов и бизнес-сообщества, адвокатов, но и депутатов, ученых-аналитиков в области экономики и права.

Как было отмечено, актуальными остаются вопросы толкования и уяснения физическими лицами отдельных оценочных понятий. К сожалению, имеющихся разъяснений высших судебных инстанций, оказания таможенной государственной услуги по информированию и консультированию по вопросам таможенного дела, наличия официальной информации на сайте ФТС России все еще недостаточно для избежания рисков возникновения конфликтных ситуаций с участием физических лиц. Здесь возможно учесть опыт работы с декларантами – участниками ВЭД. Так, в решениях Комиссии Союза, посвященных оценке таможенной стоимости, приводятся конкретные примеры применения соответствующих методов оценки. Эта практика, безусловно, дает положительные результаты. Почему бы такие примеры не приводить и в нормативных правовых актах ЕЭК, посвященных вопросам таможенного обложения товаров для личного пользования?

Уяснению смысла отдельных оценочных понятий способствуют не только центральные таможенные ведомства и высшие судебные инстанции, но и Объединенная коллегия таможенных служб стран ЕАЭС. Однако не все ее решения опубликованы официально (например, об утверждении единых подходов об отнесении товаров к товарам для личного пользования и утверждении значений таких индикаторов риска, как «частота перемещения товара», «количество товара»). Более того, Коллегия не имеет своего интернет-сайта. Недоступность к инфор-

мации порождает произвол властей. Шаги для исправления ситуации очевидны: создать сайт Коллегии и обеспечить публикацию всех ее решений, в т.ч. относящихся к реализации правового статуса физических лиц.

В рамках *правоприменительной деятельности и унификации практики* представляется важным:

- осуществлять мониторинг причин возникновения споров с участием физических лиц, возникающих по вине таможенных органов, на уровне Евразийской экономической комиссии в целях повышения эффективности оценки коррупционных рисков и их минимизации в масштабах Союза, публиковать результаты такого мониторинга;

- обеспечить доступ через сайты ФТС России и ЕЭК к текстам решений высших судебных инстанций стран ЕАЭС, отражающим правовые позиции по вопросам толкования и применения таможенных правил в отношении физических лиц;

- на союзном уровне создать координационный орган, куда войдут представители всех высших органов правосудия стран ЕАЭС и судьи Суда ЕАЭС, и привести практику применения таможенных правил к «единому знаменателю»;

- максимально использовать преимущества цифровизации таможенного дела. В целях превенции споров и их разрешения (для форми-

рования доказательственной базы, хранения и обеспечения к ней доступа), по образу и подобию личного кабинета участника ВЭД, предлагаем создать личный кабинет физического лица на сайте ФТС России, обеспечить возможность подавать пассажирскую декларацию в электронной форме, а в будущем — жалобы на действия (бездействия) должностных лиц таможни через такой личный кабинет. В этой связи интересно обратиться к опыту Европейского Союза, где успешно функционирует Информационная система внутреннего рынка [30]. В ней зарегистрирована наднациональная служба SOLVIT (от англ. — «Solutions to problems with your EU rights») [31], финансируемая Европейской комиссией и обеспечивающая прием и передачу своим национальным подразделениям жалоб от граждан и хозяйствующих субъектов по поводу нарушения государственным органами государств-членов права ЕС [24, с. 56–59]. Очевидно, что цифровизация как таможенных, так и иных услуг, оказываемых государственным органами стран Евразийского экономического союза, способствует формированию качественно иного правового «поля», повышению эффективности государственного управления, защите прав и законных интересов подконтрольных субъектов, и может рассматриваться как самостоятельная мера превенции правовых конфликтов любой этимологии.

Библиографический список

1. Большой советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 4. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1599 с.
2. Бакаева О.Ю. Финансово-правовые споры в области таможенного дела: теория вопроса // Обзор материалов IV Международной межвузовской конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты»: сборник статей. Ч. 1 / кол. авторов; под ред. Е.М. Ашмариной. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 20–26.
3. Гревцов Ю.И. Проблема юридического конфликта // Конфликт и социальный порядок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2002.
4. Гуцириев Х.С. Законность и профилактика правонарушений (теоретико-правовой анализ): Дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.
5. Дмитриев А.В. Конфликтология: учебник. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2013. 336 с.
6. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (Подписан в г. Москве 11 апреля 2017 г.) (приложение № 1 – Таможенный кодекс ЕАЭС) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — URL: <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017 (дата обращения — 12.07.2019).
7. Жеребин В.С. Проблемы правовой конфликтологии: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 395 с.
8. Зарипов З.С. Правовое обеспечение профилактики правонарушений. Ташкент. 1988.
9. Зеленцов А.Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. Монография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: РУДН, 2009. 692 с.
10. Зеленцов А.Б. Спор о праве: теоретико-правовое исследование. М.; Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2005. 272 с.
11. Козырев Г.И. Конфликтология: учебник. М.: ИД «ФОРУМ», Инфра-М, 2014. 304 с.

12. Красота Т.Г., Красота Ю.Л. Таможенные правонарушения: выявление и предупреждение. Монография. Ульяновск: Зебра, 2017. 66 с.
13. Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора. Монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 2003. 248 с.
14. Лупарев Е.Б. Налоговые споры: проблемы теории и практики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 2006. 240с.
15. Орлова И.А. Институт разрешения споров в системе международного права: монография. СПб.: Россия-Нева, 2011. 199 с.
16. Панагушина А.Е. Судебный порядок разрешения таможенных споров (административно-правовые аспекты): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 21 с.
17. Попов В.И. Предупреждение трудовых споров. М.: Юрид. лит., 1981. 152 с.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.
19. Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. «Положение о Евразийской экономической комиссии» (в ред. договоров от 10 октября 2014 г., 23 декабря 2014 г. и протоколов от 8 мая 2015 г., 15 марта 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
20. Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС «Статут Суда Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
21. Приложение № 5 к Договору о ЕАЭС «Протокол о порядке распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисление в доход бюджетов государств-членов» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Решение Совета ЕЭК от 20 декабря 2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» (с изм., включая от 28 мая 2019 г.).— URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 12.08.2019).
23. Рябыкин Ф.К. Криминология предупреждения преступлений. М., 1993. 187 с.
24. Тер-Акопов А.А. Публично-правовое регулирование торговой деятельности в Европейском Союзе: дисс. ... магистра права / Российский государственный университет правосудия; науч. руководитель — Г.В. Матвиенко. М., 2019. 109 с.
25. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., включая от 01 мая 2019 г.) // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082; 2019. № 18. Ст. 2207.
26. Худойкина Т.В. Юридический конфликт: теоретико-прикладное исследование: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 488 с.
27. Шмырова В. Власти хотят вдвое увеличить дань за посылки из иностранных интернет-магазинов.— URL: http://www.cnews.ru/news/top/2019-07-vlasti_v_dva_raza_podnimut_tamozhennyj_sbor_na (дата обращения: 12.08.2019).
28. Юридическая конфликтология: сферы и механизмы (Юридическая конфликтология. ч. II) / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1994. 172 с.
29. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union — Consolidated version of the Treaty on European Union — Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union — Protocols Annexes to the Treaty on the Functioning of the European Union — Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 — Tables of equivalences / OJ C202, 7.6.2016, pp. 1–388.
30. Regulation (EU) No 1024/2012 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on administrative cooperation through the Internal Market Information System and repealing Commission Decision 2008/49/EC ('the IMI Regulation') Text with EEA relevance / OJ L 316, 14.11.2012, p. 1–11.
31. Commission Recommendation (EU) of 17 September 2013 on the principles governing SOLVIT (C(2013) 5869 final) Text with EEA relevance / OJ L 249, 19.9.2013, p. 9–14.

УДК 347.73
ГРНТИ 10.21.41

DOI: 10.14451/2.132.33

ЭСТОППЕЛЬ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

© 2019 **Шаипова Светлана Анатольевна**

кандидат экономических наук, доцент
адвокат Адвокатской палаты Московской области, Россия, Москва
E-mail: shaipovasvetlana@yandex.ru

© 2019 **Тремаскин Игорь Эдуардович**

аспирант 3-го года очной формы обучения
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Россия, Москва

В данной статье рассматривается принцип эстоппель и его применимость к российскому налоговому праву. На основании анализа судебной практики делается вывод о том, что он уже применяется и способен защищать налогоплательщиков.

Ключевые слова: Эстоппель, добросовестность, налоги, налоговое право, противоречивое поведение, справедливость, теория разумной уверенности.

На современном этапе рыночных отношений важную роль играет такой параметр, как добросовестность. От этого параметра зависит то, как будут выстроены отношения между контрагентами, как будут исполняться обязательства и регулироваться споры.

В настоящее время добросовестность превагирует в большинстве общественных отношений. Несмотря на то, что этот инструмент является частноправовым и регулирует поведение субъектов хозяйственной деятельности, его применение переключается и на государственное регулирование, в том числе и налоги. Общественное отношение по взиманию налогов и сборов также должно быть в подчинении у этого принципа. Административные отношения, которые из самого своего существа ставят его субъектов в неравное положение управления и подчинения, также должны быть добросовестными.

Однако бывают ситуации, при которых субъект имеет возможность извлекать пользу из своего положения. Оно может отличаться от добросовестного, в том числе в процессе судебного разбирательства. Этот субъект ссылается на те обстоятельства, которые, возможно, в его понимании не давали ему какого-либо возвышенного положения. В этом случае законодательство предусматривает принцип, который не позволяет получившему выгоду из своего недобросовестного поведения ссылаться на те обстоятельства, которые действовали на тот момент. Таким образом мы подошли к принципу «эстоппель»

(от англ. «estop» — лишать права выдвигать возражения), который в современной юридической науке трактуется как утрата права лица ссылаться на какие-либо факты в обосновании своих притязаний.

Эстоппель будет рассмотрен как общий принцип, который не позволяет получать выгоду из своего противоречивого поведения. В основном мы затрагиваем тему публичных и административных отношений. Так как в практике по рассмотрению налоговых споров действие эстоппеля встретить проблематично (судебная практика насчитывает крайне малое количество таких дел), то нас будет интересовать исключительно те обстоятельства, при которых он применялся в этих спорах, а также тенденция его развития и расширения практики применения.

Эстоппель гармонизировался в отечественное право из норм международного права, а точнее из положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, а также Венской конвенции 1980 года. Указанный принцип является «новинкой» для отечественного права. Только недавно он начал применяться на практике.

В отечественном праве, как в практическом плане, так и в доктринальном, принцип эстоппель известен не так давно, как в англосаксонском и международном праве. Вся его доктринальная суть сводится к справедливости [2]. Международная доктрина эстоппеля исходит из концепции «теории разумной уверенности», которая сводится к ограничению контрагента

от несправедливых действий, которые в последующем могут быть признаны недобросовестными. Данная теория проявляется в положения Венской конвенции 1980 года. Так, в ст. 16 конвенции принцип проявляется в том, что лицо не должно действовать противоречиво.

Хотя в указанной статье конвенции речь идет об оферте и акцепте, эстоппель выражает невозможность ссылаться на протiwоестественно действующему на момент заключения договора положению. Все обстоятельства, которые противоречат естественному ходу делового процесса на стадии оферты, должны полагаться на поступившее предложение и действовать соответствующим образом [1]. Таким образом, основу принципа эстоппель составляет двуединство принципов справедливости и добросовестности при приоритете последнего [4].

Тем не менее эстоппель плотно закрепился в отечественном гражданском праве, регулирующем отношения в области признания сделок недействительными, а также договорные отношения. Так, Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» ст. 166 ГК РФ была дополнена п. 5, согласно которому «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки» [6].

Нас в данной теме интересует как добросовестное поведение налогоплательщика, так и не менее важная составляющая — добросовестное поведение налогового органа, который представляет интересы государства в взаимодействии с частными субъектами. Эстоппель в налоговом праве лучше всего находит свое отражение в судебной практике. Этот принцип не подразумевает прямого закрепления в Налоговом кодексе РФ, в отличие от гражданского законодательства. Однако на примере НДС и ст. 149 и 176 НК РФ можно проследить действие этого принципа, в первую очередь для налогоплательщика.

По нашему мнению, начать стоит с анализа позиции Верховного суда РФ, выраженной в Определении Верховного суда Российской Федерации от 21 февраля 2017 года № 305-КГ16–

14941. Фабула указанного определения состоит в том, что налоговый орган, при противоречивости своего поведения, отказал налогоплательщику в возмещении НДС на основании камеральной проверки. При этом налогоплательщик применял освобождение от НДС на протяжении нескольких лет. На вполне ожидаемый отказ налогового органа на возмещение НДС налогоплательщиком было подано заявление об обжаловании решения налогового органа. Во время рассмотрения спора налоговая инспекция провела выездную налоговую проверку налогоплательщика, результатом которой стало решение о возмещении НДС. После отказа налогоплательщика от иска налоговым органом было вынесено новое решение, в котором он решил не выполнять свое же решение. Налогоплательщик снова обратился с иском в суд и оспорил незаконное бездействие налогового органа.

Арбитражный суд Московского округа посчитал, что налоговый кодекс в разделе выездных налоговых проверок не предусматривает процедуры пересмотра решения о возмещении НДС по результатам самой налоговой проверки: «Налоговым кодексом Российской Федерации не предусмотрено вынесение налоговым органом решения о возмещении суммы налога на добавленную стоимость по результатам выездной налоговой проверки, вследствие чего решение налогового органа от 30.07.2014 N3/1-Р в части предложения о возмещении налогоплательщику налога на добавленную стоимость в размере 237 356 567 руб. не влечет правовых последствий ни для налогового органа, ни для налогоплательщика» [3].

Решение Верховного суда не совпало с решением суда Московского округа. Верховный суд счел, что «суд округа признал возможным одновременное существование у налогового органа взаимоисключающих правовых подходов в отношении НДС и налога на прибыль организаций» [5].

В этом решении высшим судом был разрешен важнейший вопрос, относящийся к определению пределов последовательного поведения налогового органа по отношению к налогоплательщику. Таким образом, мы получаем решение суда, в котором принцип эстоппель выражается в том, что налоговый орган не может ссылаться на противоречивость своего поведения, выражение в неисполнении своих же законных предписаний. Как дал понять Вер-

ховный суд, это является нарушением принципа добросовестности и правовой неопределённости со стороны государства в лице налоговых органов.

Принцип эстоппель в данном случае будет неразрывно связан с принципом правового ожидания другой стороны, то есть правом другой стороны рассчитывать на добросовестное поведение своего контрагента в лице государ-

ства. То есть эстоппель в налоговом праве можно трактовать так: невозможность налогового органа действовать противоречиво при наличии добросовестного, правового ожидания налогоплательщика на исполнение налоговым органом своей обязанности. Таким образом, изменение правовой позиции налогового органа в данном контексте дает основания для признания его действий недобросовестными.

Библиографический список

1. Венская конвенция 1980 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cisg.ru/konvenciya-text-postatejno.php?id=16>. Дата обращения: 02.09.2019 г.
2. Горбачева А.И. Отражение принципа эстоппель в Венской Конвенции 1969 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cisg.ru/dwn/647.pdf>. Дата обращения: 02.09.2019 г.
3. Картотека арбитражных дел. Дело № А40-89628/2015. Электронный ресурс. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6b8cccfa-e3c5-4478-85cd-721451fc73ca/897c75bf-dc32-42a9-8500-352a7f4fba13/A40-89628-2015_20160912_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True. Дата обращения: 14.09.2019 г.
4. Николаев А.В. Эстоппель в российском праве: проблемы и перспективы практического применения. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=12&art=4728>. Дата обращения: 02.09.2019 г.
5. Определение Верховного суда Российской Федерации № 305-КГ16-14941 от 21.02.2017. Электронный ресурс. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6b8cccfa-e3c5-4478-85cd-721451fc73ca/a6008625-03d0-42e7-9000-4225b3bf090e/A40-89628-2015_20170221_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True. Дата обращения: 14.09.2019 г.
6. Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.
7. Шаипова С.А. Государственно-правовое регулирование финансовых рынков в Российской Федерации и перспективы развития розничного платежного пространства // Экономика и предпринимательство. 20017. № 7. С. 574-580.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА *

© 2019 Шулятьев Игорь Александрович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва
E-mail: iash7@mail.ru

Решение проблем научно-технического развития стало частью глобальной повестки развития. Усложнение цепочки «наука — инновации — промышленность» повышает роль правового регулирования и значение норм международного права. В настоящей статье автор рассматривает общие требования к современному международно-правовому регулированию научно-технического сотрудничества, которые могут быть использованы для разработки правовой модели практического взаимодействия в области науки и техники на международном уровне.

Ключевые слова: наука, международное право, международно-правовое регулирование, научная дипломатия, академическая свобода, суверенитет, Евразийская патентная конвенция.

Международное научно-техническое сотрудничество в современном мире выступает как объективная закономерность развития и функционирования международных отношений. Научная деятельность, взятая в международном измерении, представляет собой сложный комплекс общественных отношений со своей предметной областью, участниками и нормативной системой. Развитие международной научной кооперации зависит от уровней и структуры современной системы межгосударственных отношений: глобальный уровень, региональный и субрегиональный уровни, уровень международно-политической ситуации, уровень групповых (коалиционных и межкоалиционных) отношений, уровень двусторонних отношений государств, а также наличия неправительственного сектора международных отношений, частью которого является так называемая научная дипломатия. Экономические и научно-технические отношения составляют одно из наиболее существенных по значению подсистем полиструктурной системы межгосударственных отношений. Рассматривая их взаимосвязи с политическими отношениями, с которыми она особенно тесно взаимодействует, крайне трудно, если вообще возможно, разделить отношения экономические и научно-технические, настоль-

ко тесно они переплетены [1].

Современная наука не только несет человечеству новые знания, она становится все более важным фактором практического преобразования мира [2]. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» сказано, что «распространение информационно-коммуникационных технологий и глобальное взаимное подключение сетей, как и научно-технические инновации в столь разных областях, как медицина и энергетика, открывают огромные возможности для ускорения человеческого прогресса, преодоления «цифрового разрыва» и формирования общества, основанного на знаниях, а также для развития» (пункт 15) [3]. Первенство в исследованиях и разработках, высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности.

Международное научное и научно-техническое сотрудничество является частью международных экономических отношений и, как правило, имеет единую международно-

* статья подготовлена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 18–29–15005 «Исследование правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества, международной интеграции в области научных исследований и технологического развития и разработка правовой модели участия РФ в этих процессах, включая использование средств и методов научной дипломатии»

правовую базу в виде многосторонних и двусторонних договоров о торгово-экономическом взаимодействии государств. Международная научная кооперация предусматривает создание и реализацию крупных технологических проектов, направленных на получение фундаментальных и прикладных результатов исследовательской деятельности. Значение международно-правового регулирования научно-технического сотрудничества заключается в установлении механизмов, процедур, прав и обязанностей, ответственности государств и создании благоприятных правовых, организационных и экономических условий для исследователей. Научная тема о соотношении международного права и научно-технического прогресса имеет глубокие корни в отечественной международно-правовой доктрине и обладает широкой перспективой для дальнейших исследований, например, в области изучения правовых механизмов научной дипломатии.

Наука — это сложное общественное явление. Прежде всего, наука является одной из форм общественного сознания, — непосредственно связанной с производственной практикой. Наука может быть определена и как накопленная система знаний о природе, обществе, мышлении. Далее, наука — это средство раскрытия законов природы для удовлетворения потребностей общества. И наконец, наук есть особая сфера человеческой деятельности, и вид общественного разделения труда, большой общественный институт с собственной системой отношений и учреждений, со своей материальной базой, системой подготовки кадров, их специализацией, службой информации и т.д. При определении науки в целом все перечисленные характеристики (стороны) науки должны быть неразрывно связаны одна с другой, должны существовать в единстве. Однако при исследовании того или иного аспекта науки как сложного общественного явления на первый план выступает какая-нибудь одна сторона или несколько сторон [4].

В международно-правовом понимании, слово «наука» означает деятельность, с помощью которой человечество, индивидуально либо небольшими или большими группами, предпринимает организованную попытку путем объективного изучения наблюдаемых явлений открыть и овладеть причиной цепью; сводит воедино в координированной форме получающиеся в результате подсистемы знания путем

систематического отражения и объяснения с помощью понятий, часто в значительной степени выражаемых математическими символами; и посредством этого обеспечивает себе возможность использовать в своих интересах понимание процессов и явлений, происходящих в природе и общества [5].

Творческое и продуктивное развитие науки и научной деятельности обеспечивается международным принципом академической свободы. Свободное распространение информации о результатах, гипотезах и критических высказываниях — что подразумевается под выражением «академическая свобода» — является неотъемлемой частью научного процесса и обеспечивает наибольшую гарантию точности и объективности научных результатов [5]. Творческая деятельность научно-исследовательских работников должна поощряться национальной политикой в области науки на основе строго соблюдения автономии свободы исследований, необходимых для научного прогресса (п. 8) [5].

Крупные политические, экономические и социальные перемены и научный прогресс, которые произошли в мире со времени принятия Устава Организации Объединенных Наций, повышают значение основных принципов международного публичного права и необходимость их более эффективного применения в деятельности государств в научно-технической сфере. По своему генезису международно-правовые принципы и нормы могут быть разбиты на две категории: принципы и нормы, не связанные непосредственно с техникой и техническим прогрессом (суверенитет, невмешательство, равенство и др.); принципы и нормы, прямо или косвенно связанные с техникой и техническим прогрессом. Как показывает исторический опыт, влияние технического прогресса на принципы и нормы второй категории может быть двояким. Прежде всего, технический прогресс может служить расширению сферы применения общепризнанных основных принципов международного права. Таково, например, положение с утверждением принципа суверенитета на воздушное пространство государств, возникшего в связи с изобретением воздухоплавательных аппаратов и распространением общего принципа суверенитета государства на его воздушное пространство. Сюда же можно отнести расширение сферы действия, содержания и понятия принципа неагрессии, который ныне предполагает не толь-

ко воздержание от нападения, но и воздержание от подготовки к нападению посредством наращивания технического потенциала, заблаговременного создания военных баз за пределами границ государства-агрессора и до. Технический прогресс, кроме того, может содействовать появлению и становлению новых международно-правовых принципов и норм, таких, например, как принципы демилитаризации и нейтрализации, принцип разоружения и др. В исторической перспективе таковым был и принцип свободы морей, возникший в связи с освоением и развитием техники мореплавания [6].

Важное значение имеют положения Декларации об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества [7]. Все государства содействуют международному сотрудничеству в целях использования результатов научно-технического прогресса в интересах укрепления международного мира и безопасности, свободы и независимости, а также в целях экономического и социального развития народов и обеспечения прав и свобод человека в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Все государства принимают соответствующие меры, с тем чтобы предотвратить использование достижений науки и техники, в частности государственными органами, для ограничения или вмешательства в осуществление прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека, Международных пактах о правах человека и других соответствующих документах. Все государства принимают меры, направленные на то, чтобы достижения науки и техники служили целям удовлетворения материальных и духовных потребностей всех слоев населения. Все государства воздерживаются от любых действий, влекущих использование научно-технических достижений для нарушения суверенитета и территориальной неприкосновенности других государств, вмешательства в их внутренние дела, ведения агрессивных войн, подавления национально-освободительных движений, проведения политики расовой дискриминации. Такие действия не только являются грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций и принципов международного права, но и представляют собой недопустимое извращение целей, которые должны направлять научно-технический прогресс на благо человечества. Все государства сотрудничают в создании, укрепле-

нии и развитии научно-технического потенциала развивающихся стран в целях ускорения осуществления социальных и экономических прав народами этих стран. Все государства принимают меры, направленные на то, чтобы все слои населения могли пользоваться благами науки и техники, и на защиту этих слоев как в социальном, так и в материальном плане, от отрицательных последствий, которые могут быть результатом неправильного применения достижений научно-технического прогресса, в том числе их неправильного применения с целью посягательства на права отдельного лица или группы лиц, особенно в отношении уважения частной жизни и защиты человеческой личности и её физической и интеллектуальной неприкосновенности. Все государства принимают необходимые меры, включая законодательные, в целях обеспечения того, чтобы использование достижений науки и техники способствовало наиболее полному осуществлению прав человека и основных свобод без какой бы то ни было дискриминации по признаку расы, пола, языка или религиозных убеждений. Все государства принимают эффективные меры, включая законодательные, в целях предотвращения и недопущения использования научно-технических достижений в ущерб правам человека и основным свободам и достоинству человеческой личности. Все государства принимают, когда это необходимо, меры с целью обеспечения законодательства, гарантирующего права и свободы человека в условиях научно-технического прогресса.

Влияние международного права на научно-техническую революцию выражается в том, что его нормы объективно содействуют использованию научно-технических достижений в интересах всех государств, ограничивают возможность такого использования одними странами в ущерб другим. Тем самым создается реальная возможность для равноправного научно-технического сотрудничества государств. Однако превращение этой возможности в реальность зависит от политической воли государств, соблюдения ими принципов и норм международного права [8]. Владимир Путин во время рабочей встречи с президентом Российской академии наук Александром Сергеевым по вопросу о характере международного научного сотрудничества сказал: «У нас здесь нет никаких ограничений, сотрудничать нужно со всеми, кто хочет с нами работать. Единственное, на что хотел бы обратить

внимание: в результате работы, а она должна быть построена на равноправной основе, равноценном обмене, чтобы мы от этой работы ничего не проигрывали, а только выигрывали. Нужно к этому стремиться, чтобы мы не были просто источником получения каких-то наших навыков, знаний. Если мы делимся чем-то с кем-то, то мы должны получать равноценную информацию с обратной стороны» [9].

Последние годы отмечены становлением значительного числа норм, принятием международных соглашений и документов по этим вопросам. Они занимают важное место в современной международной практике. По-видимому, роль международного права будет возрастать и в будущем. Объясняется это, в частности, необходимостью правовой регламентации взаимоотношений государств в новых видах деятельности, вызванных к жизни техническим прогрессом, а также уменьшением как ресурсов, так и свободного пространства планеты в связи со значительным увеличением её населения и ростом потребления. Речь идет об увеличении всего объема общего международного права в целом, о расширении его многоплановости, углублении его содержания и усилении императивной значимости его норм [10]. Это общетеоретическое утверждение об увеличении масса международно-правовых норм справедливо и по отношению к международному научно-техническому сотрудничеству в двадцать первом веке. Одним из международно-правовых проявлений научно-технического прогресса является появление международных межправительственных организаций, например, Международный союз электросвязи, Всемирный почтовый союз, ЮНЕСКО и др.

Важную роль в создании благоприятных международно-правовых условий для научной деятельности играют институциональные механизмы защит прав интеллектуальной собственности. Например, на территории евразийского региона действует Евразийская патентная конвенция [11] (заключена в Москве 09.09.1994). Сторонами конвенции (договаривающиеся государства) являются Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина. Органами Организации являются Административный совет и Евразийское патентное ведомство (далее — Евразийское ведомство). Для выполнения административных задач, связанных с функционированием

Евразийской патентной системы и выдачей евразийских патентов, учреждена Евразийская патентная организация Евразийское ведомство возглавляет Президент, который является высшим должностным лицом Организации и представляет Организацию.

Евразийское ведомство выдает евразийский патент на изобретение, которое является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо. Право на евразийский патент принадлежит изобретателю или его правопреемнику. При этом, если изобретатель является служащим, то право на евразийский патент определяется в соответствии с законодательством государства, в котором служащий имеет основное место службы; если государство, в котором служащий имеет основное место службы, не может быть определено, применяется законодательство того государства, в котором работодатель занимается предпринимательской деятельностью, с которой связан служащий.

«Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции» (Утверждена 01.12.1995) (с изм. и доп. от 08.11.2010–10.11.2010) регулирует правоотношения, связанные с подачей евразийских заявок, их рассмотрением, выдачей евразийских патентов и охраной, предоставляемой евразийскими патентами в соответствии со статьями 14 и 19 Евразийской патентной конвенции и содержит детали, касающиеся материальных норм патентного права

Расширяются области и виды научно-технического сотрудничества государств. При этом при осуществлении научно-технического сотрудничества используются различные формы и методы: обмен литературой и научными докладами, непосредственные контакты и связи между учеными; проведение международных и национальных конференций, симпозиумов, семинаров, курсов и других совещаний научно-технического характера с участием в них ученых и специалистов нескольких стран; совместная разработка и осуществление программ и проектов; использование коммерческих каналов и методов для изучения и передачи передового научно-технического опыта и др. [12]

Для практического использования абсолютного большинства открытий нужно указание методов и приемов их использования, то есть нужно изобретение — продукт производственной практики и прикладной науки. Открытие есть установление, объяснение объективно су-

ществующих закономерностей; изобретение есть конкретное предложение для практической деятельности с целью достижения определённого производственного результата. Изобретение всегда или в большинстве случаев опирается на данные фундаментальной науки, на одно или несколько открытий [13].

У Российской Федерации имеется значительный потенциал в ряде областей фундаментальных научных исследований, что находит отражение в том числе в рамках совместных международных проектов, включая создание и использование уникальных научных установок класса «мегасайнс». Однако направления исследований и разработок в значительной степени соответствуют направлениям, актуальным для последних десятилетий прошлого века. Например, в швейцарском ЦЕРНе — главной лаборатории физики элементарных частиц — обнародовали сенсационные планы. Речь идет о строительстве нового ускорителя — почти в 4 раза больше, в 7 раз мощнее и во много раз дороже действующего БАКа — Большого андронного коллайдера. Однако только сейчас этот мегапроект наконец-то обрел видимые очертания: на сайте ЦЕРНа (Европейской организации по ядерным исследованиям со штаб-квартирой в Женеве) объявлено о подготовке четырехтомного доклада-концепции, посвященного БЦК. В докладе — ответы на все основные вопросы по проекту: от его научного потенциала до технических вызовов, стоимости и сроков реализации. Сам проект, кстати, стал международным ещё до рождения: только в работе над его концепцией приняли участие 1300 экспертов из 150 университетов, научных институтов и других организаций мира! Ну а в случае реализации он наверняка станет ещё одной знаковой международной научно-коллаборацией и очередным доказательством, что наука становится все более интернациональной [14].

Можно также назвать следующие международные научные проекты, созданные при участии нескольких государств:

- Европейский центр ядерных исследований;
- Объединенный институт ядерных исследований;
- Международное агентство по изучению рака;
- Африканский центр риса;
- «Союз — Апполон»;

- Европейская молекулярно-биологическая лаборатория;
- Международный исследовательский институт продовольственной политики;
- Международная организация по изучению генома человека;
- MIRI — Machine Intelligence Research Institute;
- Проект международного экспериментального термоядерного реактора [15];

Международные отношения в широком смысле включают в себя многочисленные, разнородные и весьма важные отношения негосударственного характера — экономические, социальные, научно-технические, идеологические, политические, правовые, культурные, национальные, религиозные, социально-психологические, в том числе групповые, семейные, возможно даже индивидуальные. В этом смысле можно говорить о системе международных отношений в широком смысле [16]. Среди примеров неправительственного международного научного сотрудничества можно назвать проходившую 13–16 ноября 2018 года в Париже 26-ую Генеральную конференцию по мерам и весам, утвердившей последнее обновление международной системы единиц, которая сегодня включает в себя 7 базовых величин: массу, длину, время, силу тока, температуру, количество вещества и силу света. Прежде для этих единиц измерения существовали свои первичные эталоны, как, например, платиноиридиевый слиток в роли точной меры одного килограмма. С помощью этих образцов производилась калибровка измерительных приборов. Но так как эталон может со временем подвергаться изменениям характеристик вещества под влиянием внешних факторов, впоследствии произошел переход к фундаментальным константам, неизменным для всего мироздания [17].

Для достижения цели научно-технологического развития Российской Федерации необходимо способствовать формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия.

В соответствии с Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» международное научно-техническое сотрудничество и международная интеграция в области исследований и технологий, позволяющие защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия достигаются путем:

а) определения целей и формата взаимодействия с иностранными государствами в зависимости от уровня их технологического развития и инновационного потенциала;

б) формирования и продвижения актуальной научной повестки государства как участника международных организаций, повышения уровня участия России в международных системах научно-технической экспертизы и прогнозирования;

в) локализации на территории страны крупных международных научных проектов в целях решения проблем, связанных с большими вызовами;

г) развития механизма научной дипломатии как разновидности публичной дипломатии;

д) реализации скоординированных мер поддержки, обеспечивающих выход российских научных, образовательных организаций и производственных компаний на глобальные рынки знаний и технологий, а также проактивного участия России в разработке технологических стандартов и научно-образовательных форматов, способствующих повышению её роли в формировании новых рынков.

Вопрос «научной дипломатии» был одним из самых главных в предвыборной кампании Александра Сергеева летом 2017 года — он неоднократно повторял, что «наука должна наводить мосты» между странами [18]. Учитывая свой государственный статус, полномочия по формированию государственной научно-технической политики, свой международный авторитет, РАН должна инициировать новые направления международной деятельности в области фундаментальных и поисковых исследований, осуществлять поиск заинтересованных партнеров, способствовать расширению представительства нашей страны в международных организациях, активнее осваивать «новые географические на-

правления. «Научная дипломатия» РАН должна помогать государственной дипломатии в сохранении и развитии связей России с зарубежными странами, препятствовать попыткам изолировать страну от использования современных достижений в науке и технологиях [19].

Воздействие НТП на международные отношения отразилось, естественно, на их главном регуляторе — международном праве, которое в значительной мере состоит из норм, созданных для обслуживания потребностей, порожденных научно-техническим прогрессом. Достаточно вспомнить, что институционализация международных отношений была вызвана прежде всего необходимостью организовать сотрудничество государств по использованию достижений науки и техники в области транспорта, связи и ряда других. С течением времени НТП охватывал все новые и новые сферы, росли число и разнообразие международных организаций, а также их роль в системе международно-правового регулирования [20].

Таким образом, концептуально международно-правовое регулирование научно-технического сотрудничества обеспечивает общие международные правовые условия развития науки и научной деятельности, целью которых выступает производство знаний для практического преобразования действительности и удовлетворения потребностей общества с учетом современных технологий.

Целостная современная международно-правовая концепция международного научного и научно-технического сотрудничества, международной интеграции в области научных исследований и технологического развития и научной дипломатии может исходить из следующих предпосылок:

во-первых, равноправия как фундаментальный принцип сотрудничества;

во-вторых, наличия межгосударственного и неправительственного уровней научного взаимодействия;

в-третьих, закрепления академических свобод как гарантии осуществления научной деятельности;

в-четвертых, необходимости защиты прав интеллектуальной собственности на международном уровне;

в-пятых, тесной взаимосвязи науки, образования и промышленного производства.

Библиографический список

1. Система, структура и процесс развития современных международных отношений. Издательство «Наука». М. 1984. С. 252.
2. Ю. С. Нехорошев, Ю.А. Тонких Наука и производительные силы общества // Известия Томского ордена Красного знамени политехнического института имени С.М. Кирова. 1967. Том 181. С. 38.
3. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения 20.05.2019).
4. Ю. С. Нехорошев, Ю.А. Тонких Указ. соч. С. 39.
5. Пункт i) а) 1 Рекомендации ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников» от 20 ноября 1974 года
6. М. И. Лазарев Технический прогресс и современное международное право // Советское государство и право. — 1962. — № 12. — С. 102–110.
7. Резолюция 3384 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества» (Принята в г. Нью-Йорке 10.11.1975 на 2400-м пленарном заседании 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН).
8. Йорыш А.И. Научно-технический прогресс и новые проблемы права.— М.: Междунар. отношения, 1982. С. 17.
9. Встреча с главой РАН Александром Сергеевым. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59648> (Дата обращения: 15 января 2019 г.).
10. Йорыш А.И. Указ соч. С. 15.
11. «Евразийская патентная конвенция» (Заклучена в г. Москве 09.09.1994) // СПС «Консультант Плюс».
12. Йорыш А.И. Указ. соч. С. 17.
13. Ю. С. Нехорошев, Ю.А. Тонких Указ соч. С. 43.
14. Журнал «Огонёк» от 28.01.2019, стр. 29.
15. Журнал «Огонёк» от 07.10.2013, стр. 38.
16. Система, структура и процесс развития современных международных отношений. Издательство «Наука». М. 1984. С. 40.
17. Константин Ходаковский. Килограмм и ещё три базовые величины СИ изменят свои значения // 3DNews — Daily Digital Digest от 16 ноября 2018.
18. Академики нашли область применения // Газета «Коммерсантъ» от 30.01.2019, стр. 1.
19. Материалы портала «Научная Россия». 21 сентября 2017. Программа кандидата в президенты Российской академии наук А.М. Сергеева.
20. Научно-технический прогресс и актуальные вопросы международного права / Н.Н. Ульянова, А.А. Шишко, Е.Т. Рулько и др.; отв. ред. Н.Н. Ульянова, А.А. Шишко; АН УССР. Ин-т государства и права.— Киев: Наук. думка, 1990. С. 3.

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ**

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ

© 2019 Магомадов Эмин Мухадинович

Чеченский государственный университет, Чеченская Респ., Грозный

E-mail: chgu@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности развития малого и среднего предпринимательства в Республике Ингушетия, выявленные в результате анализа демографических тенденций организаций.

Предлагаются меры, способные при эффективной социально-экономической политике решить проблемы развития малого и среднего предпринимательства не только в Республике Ингушетия, но и улучшить экономический климат в целом по России.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, демография организаций, тенденции развития.

Развитие малого и среднего предпринимательства — одна из актуальных проблем современной России. Особенно остро она проявляется в Республике Ингушетия.

Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Ингушетия должно стать одним из наиболее ярких проявлений взаимных интересов и взаимозависимости регионов Юга России. Это должно привести к увеличению объемов разнообразных хозяйственных связей и контактов между регионами.

Серьезные импульсы, стимулирующие углубление этих связей, создаются в результате становления процесса современной экономической интеграции. Стремление Республики Ингушетия использовать межрегиональную кооперацию для решения неотложных проблем своего социально-экономического развития

стимулирует осуществление межрегионального хозяйственного сотрудничества.

По состоянию на 1 января 2014 г. в Российской Федерации зарегистрировано 5,6 млн. субъектов малого и среднего предпринимательства, на которых занято 25% от общей численности занятых в экономике.

В целом, если рассматривать демографию организаций, то в Республике Ингушетия в настоящее время коэффициенты рождаемости совпадают со средне российскими значениями.

Показатели официальной ликвидации организаций также сравнимы со средне российскими значениями. Как в Республике Ингушетия, так и в целом по России демография организаций характеризуется увеличением относительного количества ликвидаций и отсутствием роста рождаемости организаций в последние годы (см. рис).

Зарегистрированные и официально ликвидированные организации в I полугодии 2018 года

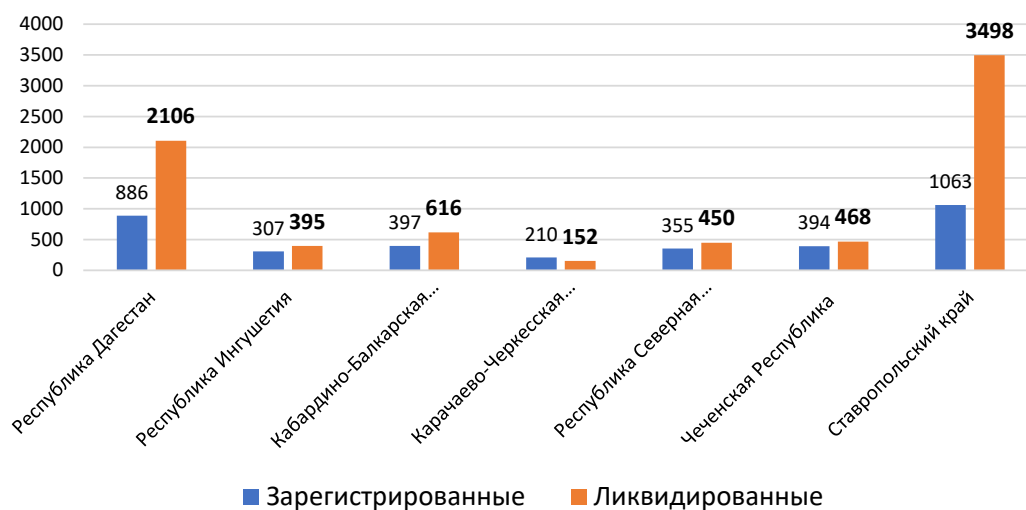

Рисунок. Соотношение числа зарегистрированных и официально ликвидированных организаций по субъектам СКФО в первом полугодии 2018 года

В последнее время во многих субъектах СКФО число ликвидированных организаций начинает превышать количество зарегистрированных. Больше всего в абсолютном выражении было ликвидировано организаций в Республике Дагестан и в Ставропольском крае — около 2100 и 3500 организаций соответственно. Карачаево-Черкесская Республика является единственным регионом, где в первом полугодии 2018 года количество зарегистрированных предприятий превышает число официально ликвидированных. В Республике Ингушетия количество ликвидированных организаций не на много превысило число вновь зарегистрированных (395 против 307).

Анализ динамики численности предприятий малого и среднего предпринимательства за последние годы показывает неустойчивость тенденций — за короткий временной интервал численность микропредприятий, малых и средних предприятий изменялась разнонаправленно, рост их количества мог сменяться их стремительным снижением и наоборот.

Сравнивая тенденции численности средних предприятий в Республике Ингушетия со среднероссийскими значениями, видим, что относи-

тельные изменения совпадали со среднероссийскими тенденциями (если так можно говорить при отсутствии данных по Республике Ингушетия за 2012–2014 годы и за 2016 год).

Тенденцию численности малых предприятий в Республике Ингушетия за последние годы нельзя считать устойчивой — их количество в некоторые годы менялось несколько раз в сторону увеличения или уменьшения. Общая тенденция, описываемая линейным трендом $y = -0,571x + 65,85$, говорит о среднем ежегодном снижении на 0,57% количества малых предприятий относительно их количества в 2010 году. Среднероссийские тенденции более устойчивые, колебания численности малых предприятий происходили в небольшом диапазоне — около от 1 до 6% ежегодно относительно уровня 2010 года до 2015 года. Изменения численности малых предприятий в Республике Ингушетия и в среднем по России в 2015 и 2016 годах совпадают. В целом, в 2016 году относительно 2010 года количество малых предприятий сократилось как в Республике Ингушетия, так и в среднем по России — их количество составило 80% и 75% соответственно от базового уровня.

Таблица 1. Динамика численности малых и средних предприятий в Республике Ингушетия (на конец года)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Средние предприятия	2	1	-	-	-	2	-
Малые предприятия	73	67	54	55	60	77	59
Микропредприятия	496	760	1253	2642	3580	2869	1415

Таблица 2. Динамика численности средних предприятий в Республике Ингушетия и в целом по России (на конец года)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	25170	15945	13767	13684	13691	19278	13346
Республика Ингушетия	2	1	-	-	-	2	-

Таблица 3. Динамика численности малых предприятий в Республике Ингушетия и в целом по России (на конец года)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	229083	242677	243065	234537	235579	232369	172916
Республика Ингушетия	73	67	54	55	60	77	59

Таблица 4. Динамика численности микропредприятий в Республике Ингушетия и в целом по России (на конец года)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	1415186	1593755	1759973	1828589	1868201	1990003	2597646
Республика Ингушетия	496	760	1253	2642	3580	2869	1415

Развитие динамики численности микропредприятий в Республике Ингушетия кардинально отличается от тенденций численности средних и малых предприятий. Если общие модельные тенденции количества малых предприятий были отрицательными, то количество микропредприятий демонстрирует тенденцию к возрастанию — параметры линейного тренда $y = 332,2x + 530,4$ говорят о среднем ежегодном возрастании на 332% относительно их количества в 2010 году. В то же время скачкообразное изменение приблизило количество микропредприятий в Республике Ингушетия в 2016 году до уровня — 1415 (против 496 в 2010 году). Общероссийские тенденции также говорят об устойчивом увеличении численности микропредприятий — линейный тренд $y = 15.356x + 75.328$ показывает средний прирост около 15% ежегодно относительно уровня 2010 года.

Структура предприятий по количеству работников в Республике Ингушетия незначительно отличается от их структуры в среднем по России. Наибольшую долю предприятий в Республике Ингушетия и в среднем по России составляют микропредприятия — 96% и 93% соответственно. Средние предприятия в исследуемой структуре составляют около 1% как в Республике Ингушетия, так и в России. Доля малых предприятий в Российской Федерации составляет 6% от общего количества МСП, а в Республике Ингушетия эта доля почти в два раза меньше среднероссийского показателя.

Анализ демографических тенденций организаций выявляет некоторые особенности развития малого и среднего предпринимательства в Республике Ингушетия:

1. В целом прилагаются заметные усилия по улучшению бизнес-климата в Республике Ингушетия — в отдельные годы можно наблюдать заметное увеличение численности предприятий, как микропредприятий, так и малых предприятий;

2. Меры развития малого и среднего предпринимательства в Республике Ингушетия пока не смогли достичь устойчивости в его развитии, не обрели системный характер. Это предположение можно обосновать сильными скачками в демографии организаций;

3. Совпадение демографических тенденций организаций Республики Ингушетия со среднероссийскими тенденциями в некоторые годы позволяет говорить, очевидно, о заметном воздействии глобальных факторов, связанных, вероятно, с нормативно-правовым, налоговым регулированием, а также с общеэкономическими тенденциями;

4. Динамика «естественного движения» организаций в Республике Ингушетия показывает общую тенденцию повышения «смертности» и снижения «рождаемости» организаций;

5. В силу объективных причин развитие микропредприятий должно стать драйвером общего роста деловой активности в Республике Ингушетия. Во-первых, именно микропредприятия составляют основную долю предприятий МПС. Во-вторых, открытие малого микропредприятия является (или должно быть) более доступным направлением развития бизнеса с точки зрения юридического оформления, объема привлекаемых ресурсов и т.д.;

6. Демография населения в Республике Ингушетия, которая кардинально отличается в лучшую сторону от среднероссийских тенденций, не влияет существенно на демографию организаций;

7. Структура населения Республики Ингушетия и демографические тенденции в целом, говорят о большом потенциале республики, способном при эффективной социально-экономической политике решить проблемы развития малого и среднего предпринимательства не только в Республике Ингушетия, но и улучшить экономический климат в целом по России.

Библиографический список

1. Официальный сайт общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России». — Режим доступа: <http://opora.ru>
2. Магомадов Э.М. Особенности развития малого и среднего предпринимательства в Чеченской Республике // Экономика и предпринимательство. 2019. № 2 (103). С. 463–467.
3. Ильясов Р.Х. Демография организаций в Чеченской Республике: анализ тенденций // Вестник Чеченского государственного университета. 2018. -№ 3 (31). — С. 36–41.
4. Широков, Б.М. Малый бизнес. Финансовая среда предпринимательства / Б.М. Широков. — М.: Финансы и статистика, 2017. — 496 с.

5. Малое и среднее предпринимательство в России. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
6. Малое предпринимательство в России. 2008–2017.
7. Предпринимательское право. Портал правовой поддержки предпринимательской деятельности. URL: <http://businesspravo.ru>
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008–2017.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº6 (132)
2019**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФЦ 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law of Samara State University of Economics

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 30.06.2019

Format 60x84/8

Printed signatures 7.09

500 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

- Valiullina D.A., Gizatullin L.R.** Termination of the compulsory right to land in hereditary succession: some issues of law enforcement 57
- Kurmaeva N.A., Galimova L.R.** Foreign experience of family mediation 58
- Kurmaeva N.A., Kulagina M.N.** Advantages and disadvantages of family mediation in Russia .. 58

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

- Eremina E.A.** National project «Culture» as an instrument of financial and legal policy in the field of activity of state cultural institutions 59
- Matvienko G.V.** Prevention of customs and legal disputes involving individuals 59
- Shaipova S.A., Tremaskin I.E.** Estoppel in tax law 60

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

- Shulyatyev I.A.** The conceptualization of international legal regulation of scientific-technical cooperation 60

ECONOMY. ECONOMIC SCIENCE; ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

- Magomadov E.M** Features of the development of small and medium-sized enterprises in the Republic of Ingushetia 61
- .

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE****TERMINATION OF THE COMPULSORY RIGHT TO LAND IN HEREDITARY
SUCCESSION: SOME ISSUES OF LAW ENFORCEMENT**© 2019 **Valiullina Dinara Anvarovna**

PhD, Associate Professor

Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan

E-mail: MusabirovaDinara@mail.ru

© 2019 **Gizatullin Lenar Raisovich**

3rd year undergraduate

Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan

This article is devoted to the study of some features of the order of acquisition of the right to a special object transferred in the order of universal succession, the right to lease a land plot. Marked difficulties in interpretation of lease rights as closely associated with the personality, which entails termination of the right of rent of the object being studied, not transfer it by inheritance. On the basis of the analysis of judicial practice the conclusion about features of judicial interpretation of the category of «personal qualities» of the testator at providing a site for rent is made.

Keywords: lease of land, inheritance, termination of relations.

References

1. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo suda Respubliki Tatarstan ot 18 yanvarya 2016 g. po delu № 33–860/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Apellyacionnoe opredelenie Leningradskogo oblastnogo suda ot 26 aprelya 2018 g. po delu № 33–1760/2018 // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Krasnodarskogo kraevogo suda № 33–8791/2014 ot 6 maya 2014 g. po delu № 33–8791/2014 // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. *Asmolov A. G.* Psihologiya lichnosti [Personality psychology]. M.: MGU, 1990. 367 s.
5. *Voronina E. I.* Grazhdansko-pravovye obyazatel'stva, svyazannye s lichnost'yu ih storon [Civil obligations related to the identity of their parties]: avtoref. diss. ... k.yu.n. M., 2014. 26 s.
6. *Kostyleva N., Kostylev V. M.* K voprosu ob opredelenii ponyatiya nasledstva [On the definition of inheritance] // Byulleten' notarial'noj praktiki. 2008. № 2. S. 38–42.
7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 noyabrya 2003 g. № 438-O // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Pis'mo FAS Rossii ot 12 dekabrya 2013 g. № AD/50427/13 «Ob okazanii metodicheskoy pomoshchi» // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Reshenie Bogucharskogo rajonnogo suda Voronezhskoj oblasti № 2–211/2016 ot 16 marta 2016 g. po delu № 2–211/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Reshenie Kotlasskogo gorodskogo suda Arhangel'skoj oblasti ot 22 aprelya 2019 g. po delu № 2–632/2019-M-365/2019 // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Reshenie Kurtamyshskogo rajonnogo suda Kurganskoj oblasti № 2–473/2017 ot 20 iyulya 2017 g. po delu № 2–473/2017 // SPS «Konsul'tantPlyus».
12. Reshenie Orenburgskogo rajonnogo suda Orenburgskoj oblasti № 2–2818/2016 ot 14 sentyabrya 2016 g. po delu № 2–2818/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Reshenie Pavlovskogo rajonnogo suda Voronezhskoj oblasti № 2-V281/2014 ot 30 sentyabrya 2014 g. // SPS «Konsul'tantPlyus».

14. Reshenie Starominskogo rajonnogo suda Krasnodarskogo kraja № 2–20/2018 ot 18 maya 2018 g. po delu № 2–20/2018 // SPS «Konsul'tantPlyus».
15. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2001 g. № 129-FZ «O gosudarstvennoj registracii yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 33. St. 3431.
16. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. M., 1989. 814 s.

FOREIGN EXPERIENCE OF FAMILY MEDIATION

© 2019 **Kurmaeva Natalia Anatolievna**

Docent, Candidate of Juridical Sciences, Docent of Department of Legal Disciplines
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru

© 2019 **Galimova Linara Rafisovna**

Magister of Department of Legal Disciplines
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

The authors analyzed the foreign experience of mediation in family disputes and made suggestions regarding the widespread adoption of mediation technologies in resolving family law conflicts in Russia. At the same time, an active role in the conduct of the mediation procedure should belong to a psychologist specializing in the field of family and age psychology. A suggestion was made about the need to create Services of forensic psychologists in the constituent entities of the Russian Federation, one of the activities of which will be the mediation of family disputes.

Keywords: alternative dispute resolution, mediation, mediator, mediation agreement, family, family mediation, family dispute, psychologist.

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF FAMILY MEDIATION IN RUSSIA

© 2019 **Kurmaeva Natalia Anatolievna**

Docent, Candidate of Juridical Sciences, Docent of Department of Legal Disciplines
National Research Ogarev Mordovia State University», Saransk, Russia
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru

© 2019 **Kulagina Maria Nikolaevna**

magister of Department of Legal Disciplines
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Mediation is the most preferred form of family dispute resolution. Among its main advantages should be attributed to the painlessness of conflict resolution for all its participants, taking into account the interests of each party, including minor children, maintaining friendly relations between spouses during divorce. This is especially important in family relationships, since the separation of parents negatively affects the psyche of children. At the same time, despite many positive aspects, family mediation is not widely used in our country, and therefore, the authors made recommendations on promising areas of application of this procedure as an alternative way to resolve family disputes. It is proposed to involve a psychologist in carrying out this procedure, which will increase its effectiveness and ensure maximum psychological comfort for the persons participating in it.

Keywords: mediation, family mediation, mediation procedure, mediator, family dispute, family relations, conflict, parties to the conflict, mediation agreement.

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

NATIONAL PROJECT «CULTURE» AS AN INSTRUMENT OF FINANCIAL AND LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ACTIVITY OF STATE CULTURAL INSTITUTIONS© 2019 **Eremina Elizaveta Anatolevna**

Graduate student of the Department of legal support of economic activity
Saratov Socio-Economic Institute (branch) REU named after G.V. Plekhanov, Saratov, Russia
E-mail: lizavetaeremina@gmail.com

State support for culture is a prerequisite for the sustainable development of Russian society. The most important instruments of state policy in the area of financial support of cultural institutions are the measures taken in the framework of the implementation of the National project «Culture». One of the main problems in implementing these areas is the uncertainty of the legal status of The National projects in the system of strategic planning documents of the Russian Federation

Keywords: culture, national project, strategic planning, financial legal policy, cultural institutions.

References

1. *Buchwald E.M.* Nacionalnye proekty v sisteme strategicheskogo planirovaniya [National projects in the strategic planning system in the Russian Federation] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2019.№ 2 p. 54–58
2. *Buchwald E. M., Ivanov O.B.* Nacionalnye proekty Rosii: regionalnoe izmerenie. [National projects of Russia: a regional dimension.] // *Etap: Ekonomicheskaya teoriya, analys, praktika*, 2019. № . 1. P. 37–53
3. *Eremina E.A.* Osnovy finansovo-pravovoy politiki Rossiyskoy Federacii v sfere kultury [Fundamentals of the financial and legal policy of the Russian Federation in the field of culture] // *Legal Culture*. 2018. No1 P. 131–135
4. *Malko A. V.* Theory of legal policy. M.: Yurlitinform, 2012.328 s.
5. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2018 <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
6. Presentation materials of the Ministry of Finance of the Russian Federation: basic principles for the implementation of projects of the Ministry of Finance of Russia <https://www.minfin.ru/ru/ismf/eb-np/> (accessed: August 15, 2019)

PREVENTION OF CUSTOMS AND LEGAL DISPUTES INVOLVING INDIVIDUALS© 2019 **Matvienko Galina Vladimirovna**

PhD, Docent, Associate Professor of the Economic Chair
Russian State University of Justice, Moscow, Russia
E-mail: galina7772005@yandex.ru

The customs and legal dispute is considered within the framework of the traditional theory of conflict for legal science; the views of scientists on the prevention of conflicts of different etymologies are analyzed; the causes of customs and legal disputes involving individuals are revealed, the original classification of measures of prevention of such disputes are provided, regardless of the material legal relations that served as the ground for their origin.

Keywords: conflict, legal dispute, customs law dispute, custom authority, individuals, causes of disputes, measures to prevent customs and legal disputes involving individuals.

ESTOPPEL IN TAX LAW

© 2019 **Shaipova Svetlana Anatolievna**

PhD in Economics, Associate Professor, Lawyer of The Bar Chambers Of Moscow Region, Moscow, Russia
E-mail: shaipovasvetlana@yandex.ru

© 2019 **Tremaskin Igor Eduardovich**

PhD student of the 3rd year
All-Russian State University Of Justice (RPA of the Ministry of justice of Russia), Moscow, Russia

This article discusses the estoppel principle and its applicability to Russian tax law. Based on the analysis of judicial practice, it is concluded that it is already used and is able to protect taxpayers.

Keywords: Estoppel, good faith, taxes, tax law, contradictory behavior, fairness, the theory of reasonable certainty.

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

THE CONCEPTUALIZATION OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF SCIENTIFIC-TECHNICAL COOPERATION

© 2019 **Shulyatyev Igor Aleksandrovich**

PhD, the senior lecturer of the international and European law chair
The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia
E-mail: iash7@mail.ru

The article was prepared as part of the RFBR grant for the implementation of the scientific project No. 18-29-15005 «The research of the legal regulation of international scientific and scientific-technical cooperation, international integration in the field of scientific research and technological development, and the design of a legal model for Russia's participation in these processes, including the use of means and methods of scientific diplomacy».

The solving problems of scientific and technological development has become part of the global development agenda. The complication of the chain «science – innovation – industry» increases the role of legal regulation and the importance of international law. In this article the author considers the general requirements for the modern international legal regulation of scientific and technical cooperation, which can be used to develop a legal model of practical interaction in the field of science and technology at the international level.

Keywords: science, international law, international legal regulation, scientific diplomacy, academic freedom, sovereignty, Eurasian Patent Convention

ECONOMY. ECONOMIC SCIENCE

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

**FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED
ENTERPRISES IN THE REPUBLIC OF INGUSHETIA**

© 2019 **Magomadov Emin Muhadinovich**

Chechen State University

E-mail: chgu@yandex.ru

The article deals with the features of the development of small and medium-sized businesses in the Republic of Ingushetia, identified as a result of the analysis of demographic trends of organizations.

The author proposes measures capable of solving the problems of small and medium-sized businesses development not only in the Republic of Ingushetia, but also to improve the economic climate in Russia as a whole.

Keywords: Small and medium business, demographics of organizations, development trends.